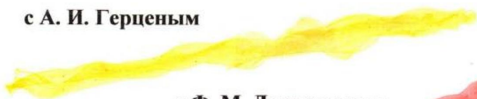

О. В. Еремин

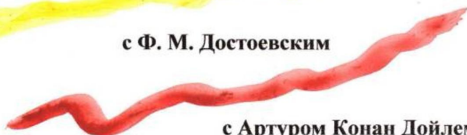
ВЫМЫШЛЕННЫЕ БЕСЕДЫ

Книга вторая

с А. И. Герценым

с Ф. М. Достоевским

с Артуром Конан Дойлем

с Морисом Дрюоном

с М. Ю. Лермонтовым

с А. И. Солженицыным

с Л. Н. Толстым

с И. С. Тургеневым

Олег Еремин
Вымышленные
беседы. Книга вторая

<https://litres.ru/73996321>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настоящая книга – это размышления автора над прочитанным, своеобразная заочная беседа с писателями, философами, политологами и политиками, высказывания которых по разным вопросам бытия опубликованы в книгах.

Содержание

Предисловие	5
Беседа с Александром Ивановичем Герценым	6
Беседа с Федором Михайловичем Достоевским	20
Беседа с Артуром Конан Дойлем	81
Беседа с Морисом Дрюоном	90
Беседа с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым	107
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Олег Еремин

Вымышленные беседы. Книга вторая

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин

Что может быть драгоценнее, как ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира.

Л. Н. Толстой

Обо всем имей свое мнение, на все – свой взгляд.

В. А. Сухомлинский

Предисловие

Настоящая книга посвящена беседам на современные злободневные темы, характерные для нынешней России. Как это ни печально, но читая книги авторов XIX века, понимаешь, что мало что меняется в лучшую сторону. Кое-что подправляется, ретушируется, но, по большому счету, меняется только мода на слова и названия, или, как говорит современная молодежь, сленг, а суть остается прежней. И человек как не был нужен в прошлой России, так не нужен и в настоящей... Слова, слова, слова политиков, а конкретных положительных дел за ними не было и нет. Один пиар...

Как и предыдущая книга, – это заочный разговор с ныне здравствующими и ушедшими из жизни писателями, философами и политиками, высказавшими свои суждения по разным вопросам бытия, которые опубликованы в книгах. По некоторым из них автор высказывает свое мнение, по возможности оформив его в виде бесед, которые, якобы, имели место.

Автор

Январь 2019 – июнь 2026

Беседа с Александром Ивановичем Герценым

Герцен Александр Иванович (25 марта 1812 года, Москва – 21 января 1870 года, Париж) – российский публицист-революционер, писатель, педагог, философ. Выступал за социалистические преобразования в России, добиваться которых предлагал путем революционных восстаний.

Цитаты взяты из книги «Былое и думы», 1856-1869.

– Александр Иванович, давайте начнем наш разговор с небесспорного Вашего суждения об отрицании и ненависти к Родине.

– Протестация, отрицание, ненависть к родине, если хотите, имеют совсем иной смысл, чем равнодушная чуждость. Байрон, бичуя английскую жизнь, бегая от Англии, как от чумы, оставался типическим англичанином. Гейне, старавшийся из озлобления за гнусное политическое состояние Германии офранцузиться, оставался истым немцем. Высший протест против юдаизма – христианство – исполнено юдаического характера.

– Наверное, так и положено говорить и делать настоящим, а не искусственным, патриотам своих стран. По-моему, Вы

очень сложным и не всем понятным языком высказались на эту тему. Мне ближе суждение об этом И. А. Ильина, с которым и предлагаю познакомиться: *«Понятно, что здесь необходимы: зоркость, правдивость и гражданское мужество. Одним из соблазнов национализма является стремление оправдывать свой народ во всем и всегда, преувеличивая его достоинства и сваливая всю ответственность за совершенное им на иные «вечно-злые» и «предательски-враждебные» силы. Никакое изучение враждебных сил не может и не должно гасить в народе чувство ответственности и вины или освобождать его от трезво-критического самосознания: путь к обновлению ведет через покаяние, очищение и самовоспитание.*

Национальная гордость не должна вырождаться в тупое самомнение и плоское самодовольство; она не должна внушать народу манию величия. Настоящий патриот учится на политических ошибках своего народа, на недостатках характера и его культуры, на исторических крушениях и на неудачах его хозяйства. Именно потому, что он любит свою родину, он пристально и ответственно следит за тем, где и в чем народ не находится на надлежащей высоте; он не боится указывать на это, памятуя хорошую народную поговорку: «велика растет чужая земля своей похвальбой, а наша крепка станет своею хайкою» (от слова «хаять», т. е. порицать). Но ведь об этом седует не просто говорить с разных трибун, но терпеливо и длительно учить на всех этапах

становления из человеческого детеныша Человека разумного.

– Число воспитывавшихся у нас всегда было чрезвычайно мало; но те, которые воспитывались, получали – не то чтоб объемистое воспитание – но довольно общее и гуманное; оно очеловечивало учеников всякий раз, когда принималось. Но человека-то именно и не нужно было ни для иерархической пирамиды, ни для преуспеяния помещичьего быта. Приходилось или снова расчеловечиваться – так толпа и делала, – или приостановиться и спросить себя: «Да нужно ли непременно служить? Хорошо ли действительно быть помещиком?».

– Практически об этом же писал в своих трудах архиепископ Рязанский и Касиовский Симон. Писатели и служители культа пишут об этом на протяжении нескольких веков, а власти предержавшие не читают их трудов. И эти малообразованные граждане, пришедшие во власть, вершат судьбу многонационального народа России по своему усмотрению или указаниям закулисных хозяев страны? На что обрекают они таким управлением нашу надежду и опору – молодежь?

– Срочные занятия окончены; он предоставлен себе, его не ведут, но он не знает, что ему делать. Продолжать нечего было, кругом никто и ничто не звало живого человека.

Юноша, пришедший в себя и успевший оглядеться после школы, находился в тогдашней России в положении путника, просыпающегося в степи: ступай куда хочешь, – есть следы, есть кости погибнувших, есть дикие звери и пустота во все стороны, грозящая тупой опасностью, в которой погибнуть легко, а бороться невозможно. Единственная вещь, которую можно было продолжать честно и с любовью, – это ученье.

– Но ведь невозможно учиться всю жизнь. Рано или поздно надо найти себе какое-нибудь практическое занятие, которое приносило бы не только радость труда, но и средства к существованию, ради которых и осуществляется любое обучение. И это относится ко всем: к тем, кто остался в России или уехал за её пределы. И всё же некоторые молодые люди отдавали предпочтение работе за пределами России. В Ваше время и современная российская молодежь, получившая блестящее образование на родине, покидает её, что уже метко называли «утечкой мозгов». Про причины отъезда современных молодых талантливых специалистов за пределы России известно, а что являлось причиной такого отъеза в Ваше время и как себя чувствовали оставшиеся?

– Чаадаев в единственном письме, которое он мне писал за границу (20 июля 1851), говорит о том, что он гибнет, слабеет и быстрыми шагами приближается к концу – «не

от того угнетения, против которого восстают люди, а того, которое они сносят с каким-то трогательным умилением и которое по этому самому пагубнее первого».

Деспотизм громко говорит, что он не может ужиться с просвещением. Для кадетских корпусов составлены новые программы. Иезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы. Священнику предписано внушать кадетам, что величие Христа заключалось преимущественно в покорности властям. Он выставляется образцом подчинения и дисциплины.

Есть с чего сойти с ума. Благо Белинскому, умершему вовремя. Много порядочных людей впали в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее, – когда же развалится этот мир?..

Быстро на нашем севере дикое самовластие изнашивает людей. Я с внутренней боязнью осматриваюсь назад, точно на поле сражения – мертвые да изуродованные...

– Мне вспоминаются реформы 90-х. Перед их началом «реформаторы» обещали в ближайшем будущем молочные реки с кисельными берегами после того, как страна откажется от построения коммунистического общества и раздаст всю народную или государственную собственность в частные руки. И когда у этой собственности появится настоящий, а не эфирный, хозяин, он наведет порядок и на предприятиях и в стране. И с чем же мы столкнулись с началом этих ре-

форм? Города и поселки стали вымирать вместе с их населением. Крупные предприятия даже эффективно работавшие и выпускавшие конкурентную продукцию на мировом рынке стали распродаваться, а новыми хозяевами разваливаться на мелкие предприятия, а работники увольняться... Как будто цунами прокатилось по всей стране и разрушило всё, что создавалось нашими отцами и дедами на протяжении прежнего 70-летия. Прошло уже более 30 лет, а почти ничего так и не восстановлено новыми хозяевами. Людям новые хозяева и правители даровали прожиточный минимум, а себе забрали всё, что только смогли, большую часть из которого распродали, а деньги вывели за пределы страны. Вот так реформы... А сейчас на этом базисе ринулись воспитывать ура-патриотов. Вернули православную религию вместо коммунистической идеологии и божье рабство вместе с рабством человеческим. Им нужно беспрекословное и послушное «стадо Христово» и «пушечное мясо», которое будет защищать их богатства и завоевывать для них новые. Сами-то они и их дети умирать не хотят – не для того все общие богатства прикарманивали, чтобы потом потерять в одночасье и отдать прежним хозяевам. И ведь ни для кого, в том числе президента, не секрет, что учили этому «реформаторов» сотрудники ЦРУ. Научили не созидать, а разваливать. А в Ваше время приезжие специалисты чему учили?

– Наши профессора привезли с собою эти заветные меч-

ты, горячую веру в науку и людей; они сохранили весь пыл юности, и кафедры для них были святыми наоями, с которых они были призваны благовестить истину; они являлись в аудиторию не цеховыми учеными, а миссионерами человеческой религии.

– А современные профессора даже художественную литературу не читают, а специальную по своему предмету, только просматривают. Иностранными языками не владеют. Живут прежними наработками, а в будущее не смотрят. Перспективными сотрудниками не дорожат и, более того, боятся, что те составят им в ближайшем будущем конкуренцию и смогут подвинуть с насиженных мест. А вместо «человеческой религии» некоторые демонстрируют откровенное хамство. Мне как-то один профессор медицины похвастался, что когда ему постучал в дверь кабинета и заглянул в него посетитель и спросил можно ли войти, он ему резко ответил: «Пшел вон»! Тот закрыл за собой дверь и удалился. Профессору это понравилось и он начал потом повторять эти опыты на кафедре со своими сотрудниками и получал удовольствие от производимой на его слова реакции... Как же после этого удивляться, что «мозги утекают» из России? И президент, когда ему говорят об этом, только отшучивается, что если мозги утекают, зачит они кому-то нужны. А оставшимся вернул православие и сам во время больших религиозных праздников демонстрирует свою приверженность рели-

гии перед телекамерами.

– Николай бежал в народность и православие от революционных идей. Общего между ними ничего не было, кроме слов.

– К сожалению, то же самое происходит и в наше время. Больше внимания стали уделять туризму, концентрируя при этом внимание на внешней стороне, посвященной достопримечательностям (сохранившимся или восстановленным усадьбам, памятникам, музеям), а не внутреннему миру прославивших Россию граждан и их гражданской позиции.

– «В Москве, – говаривал Чаадаев, – каждого иностранца водят смотреть большую пушку и большой колокол. Пушку, из которой стрелять нельзя, и колокол, который свалился прежде, чем звонил. Удивительный город, в котором достопримечательности отличаются нелепостью; или, может, этот большой колокол без языка – иероглиф, выражающий эту огромную немую страну, которую заселяет племя, назвавшее себя славянами, как будто удивляясь, что имеет слово человеческое».

– Сейчас некоторые историки критикуют Петра I за прорубленное им «окно в Европу» и заимствование у европейцев не только платья, но и множества наук, необходимых для

устройства государства и развития народа. А в Ваше время были аналогичные критики?

– «Выход за нами, – говорили славяне, – выход в отречении от петербургского периода, в возвращении к народу, с которым нас разобщило иностранное образование, иностранное правительство, воротимся к прежним нравам!».

– И сегодня не только говорят о возвращении к прежнему образованию советского периода, но и предпринимают необходимые для этого шаги. Только вот о возвращении отнятой у народа собственности помалкивают. А некоторые политики откровенно говорят, что этого сделать нельзя. Парадоксальная ситуация: отнять у народа можно было, а вернуть нельзя. Хотя есть прецеденты: Русской Православной Церкви недвижимость и другое имущество возвращают. Значит, и народу можно вернуть, будь на то политическая воля помазанника Божьего.

– Но история не возвращается; жизнь богата тканями, ей никогда не бывают нужны старые платья. Все восстановления, все реставрации были всегда маскарадами. Мы видели две: ни легитимисты не возвратились к временам Людовика XIV, ни республиканцы – к 8 термидору. Случившееся стоит писанного – его не вырубишь топором.

Нам сверх того, не к чему возвращаться. Государствен-

ная жизнь допетровской России была уродлива, бедна, дика – а к ней-то и хотели славяне возвратиться, хотя они и не признаются в этом; как же иначе объяснить все археологические воскрешения, поклонение нравам и обычаям прежнего времени и самые попытки возвратиться не к современной (и превосходной) одежде крестьян, а к старинным неуклюжим костюмам.

– Увы, Александр Иванович, сегодня говорят не столько о возвращении костюма, сколько о возвращении современным олигархам крепостного права. А они его возвратили без слов рублем – официально платят работникам прожиточный минимум или чуть более, а большую часть в конверте. Да и такой заработок не всегда и не везде можно найти. На том же Севере, где были закрыты государственные лесозаготовительные предприятия, современные бизнесмены сколачивают бригады лесорубов, те выполняют требуемый объем работ, а их иногда просто «кидают» – заказчики не выплачивают оговоренную сумму и исчезают. Вот Вам и возврат к истокам. Только к каким?

Чем отличались революционеры Вашего времени от «реформаторов-революционеров» нынешнего?

– Возвращение к народу они тоже поняли грубо, в том роде, как большая часть западных демократов – принимая его совсем готовым. Они полагали, что делить предрассудки

народа – значит быть с ним в единстве, что жертвовать своим разумом, вместо того чтоб развивать разум в народе, – великий акт смирения. Отсюда натянутая набожность, исполнение обрядов, которые при наивной вере трогательны и оскорбительны, когда в них видна преднамеренность.

– А преднамеренность нынешних видна без увеличительных стекол... Фарисейство, о котором предупреждал Иисус из Назарета своих учеников, доминирует в современном православии и власть предрержащие поддерживают его. В России зарегистрировано 70 религиозных конфессий, а говорится в лучшем случае только о четырех: православии, мусульманстве, иудаизме и буддизме...

– Такова судьба всего истинно социального, оно невольно влечет к круговой поруке народов... Отчуждаясь, обособляясь, одни остаются при диком общинном быте, другие – при отвлеченной мысли коммунизма, которая, как христианская душа, носится над разлагающимся телом.

– Александр Иванович, я последние годы после выхода на пенсию посвятил изучению Библии, «Закона Божия» и других книг, рассказывающих об истории религий. Ведь смысл религий состоит в воспитании из человеческого детеныша Человека разумного. Но прошедшие более 1000 лет со времени крещения Руси Князем Владимиром показали, что ре-

лигии оказались малоэффективными в исполнении этой все-
ленной задачи, поставленной перед ними. Но их продолжа-
ют использовать власть предрежащие не для воспитания, а
для подчинения и смирения, а это не одно и то же.

– *Сын одного знакомого подмосковного священника, мо-
лодой человек лет семнадцати, приходил несколько раз ко
мне за «Отечественными записками». Застенчивый, он по-
чти ничего не говорил, краснел, мешался и торопился ско-
рее уйти. Умное и открытое лицо его сильно говорило в его
пользу, я переломил наконец его отроческую неуверенность
в себе и стал с ним говорить об «Отечественных записках».
Он очень внимательно и дельно читал в них именно фило-
софские статьи. Он сообщил мне, как жадно в высшем кур-
се семинарии учащиеся читали мое историческое изложение
систем и как оно их удивило после философии по Бурмей-
стеру и Вольфию.*

*Молодой человек стал иногда приходиться ко мне, я имел
полное время убедиться в силе его способностей и в способ-
ности труда.*

– *Что вы намерены делать после курса?* – спросил я его
раз.

– *Постричься в священники,* – отвечал он, краснея.

– *Думали ли вы серьезно об участии, которая вас ожида-
ет, если вы пойдете в духовное звание?*

– *Мне нет выбора, мой отец решительно не хочет, чтоб*

я шел в светское звание. Для занятий у меня досуга будет довольно.

– Вы не сердитесь на меня, – возразил я, – но мне невозможно не сказать вам откровенно моего мнения. Ваши разговор, ваш образ мыслей, который вы нисколько не скрывали, и то сочувствие, которое вы имеете к моим трудам, – все это и, сверх того, искреннее участие в вашей судьбе дают мне, вместе с моими летами, некоторые права. Подумайте сто раз прежде, чем вы наденете рясу. Снять будет гораздо труднее, а может, вам в ней будет тяжело дышать. Я вам сделаю один очень простой вопрос: скажите мне, есть ли у вас в душе вера хоть в один догмат богословия, которому вас учат?

Молодой человек, потупя глаза и помолчав, сказал:

– Перед вами лгать не стану – нет!

– Я это знал. Подумайте же теперь о вашей будущей судьбе. Вы должны будете всякий день во всю вашу жизнь всенародно, громко лгать, изменять истине; ведь это-то и есть грех против святого духа, грех сознательный, обдуман-ный. Станет ли вас на то, чтоб сладить с таким раздвое-нием? Все ваше общественное положение будет неправдой. Какими глазами вы встретите взгляд усердно молящегося, как будете утешать умирающего раем и бессмертием, как отпускать грехи? А еще тут вас заставят убеждать рас-кольников, судить их!

– Это ужасно! ужасно! – сказал молодой человек и ушел

взволнованный и расстроенный.

На другой день вечером он возвратился.

– Я к вам пришел затем, – сказал он, – чтоб сказать, что я очень много думал о ваших словах. Вы совершенно правы; духовное звание мне невозможно, и, будьте уверены, я скорее пойду в солдаты, чем позволю себя постричь в священники.

Я горячо пожал ему руку и обещал, с своей стороны, когда время придет, уговорить, насколько могу, его отца.

Вот и я на свой пай спас душу живу, по крайней мере, способствовал к ее спасению.

– Увы, Александр Иванович, я пока не могу сказать того же. У меня нет статистических данных: помог ли я кому-либо своими книгами в выборе земного пути или нет. Надеюсь, что хотя бы одному – тоже смог помочь... И эта надежда ободряет, что труд мой не был напрасным.

Беседа с Федором Михайловичем Достоевским

Достоевский Федор Михайлович (11 ноября 1821, Москва — 9 февраля 1881, Санкт-Петербург) — российский писатель, мыслитель, философ и публицист, автор романов, повестей и рассказов, ставших классикой русской литературы. Член-корреспондент Петербургской АН с 1877 года.

Цитаты взяты из книги «Братья Карамазовы», 1880.

Федор Михайлович, так уж получилось, что мы с Вами продолжим разговор о религии, которым закончилась наша беседа с Александром Ивановичем Герценым.

– Заранее скажу мое полное мнение: был он просто ранний человеколюбец, и если ударился на монастырскую дорогу, то потому, что в то время она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его. И поразила-то его эта дорога лишь потому, что на ней он встретил тогда необыкновенное, по его мнению, существо – нашего знаменитого монастырского старца Зосиму, к которому привязался всею горячею первой любовью своего неутолимого сердца.

– Человеку всегда нужен ориентир, по которому он может сверять свои мысли и свои поступки. Если такого ориентира среди рядом живущих нет, то его ищут в книгах, фильмах, спектаклях. Товарищ моей молодости, закончивший литературный факультет пединститута, говорил, что для становления подростка, молодого человека, ему обязательно следует прочесть роман Александра Дюма «Три мушкетера». Конечно, это не молитвенник, и не следует останавливаться только на одном романе. Чем больше любой человек читает хорошей литературы, тем лучше он становится с годами. На меня, Федор Михайлович, произвели сильное впечатление Ваши романы «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Подросток». Я не перечисляю все Ваши произведения, которые я прочитал, потому что в каждом я находил для себя что-то полезное и интересное. Но, ведь, становление каждого человека начинается с детства.

– В детстве и юности он был малоэкспансивен и даже малоразговорчив, но не от недоверия, не от робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротив, а от чего-то другого, от какой-то как бы внутренней заботы, собственно личной, до других не касавшейся, но столь для него важной, что он из-за нее как бы забывал других. Но людей он любил: он, казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей, а между тем никто и никогда не считал его ни простячком, ни наивным человеком. Что-то было в нем, что говорило и

внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьей людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит. Казалось даже, что он все допускал, нимало не осуждая, хотя часто очень горько грустя. Мало того, в этом смысле он до того дошел, что его никто не мог ни удивить, ни испугать, и это даже в самой ранней своей молодости.

– Это напоминает мне библейскую заповедь: «*Не суди и не судим будешь*». Надо выискивать в людях и в книгах всё положительное, что поможет стать самому лучше. А на отрицательных примерах других людей и персонажей романов учиться и не повторять их в жизни. Только при таком условии можно будет достичь вершин своего совершенства.

– *О, конечно, в монастыре он совершенно веровал в чудеса, но, по-моему, чудеса реалиста никогда не смутят. Не чудеса склоняют реалиста к вере. Истинный реалист, если он не верующий, всегда найдет в себе силу и способность не поверить и чуду, а если чудо станет перед ним неотразимым фактом, то он скорее не поверит своим чувствам, чем допустит факт. Если же и допустит его, то допустит как факт естественный, но доселе лишь бывший ему неизвестным. В реализме вера не от чуда рождается, а чудо от веры. Если реалист раз поверит, то он именно по реализму своему должен непременно допустить и чудо. Апостол Фо-*

ма объявил, что не поверит, прежде чем не увидит, а когда увидел, сказал: «Господь мой и бог мой!» Чудо ли заставило его уверовать? Вероятнее всего, что нет, а уверовал он лишь единственно потому, что желал уверовать и, может быть, уже веровал вполне, в тайнике существа своего, даже еще тогда, когда произносил: «Не поверю, пока не увижу».

– Увы, Федор Михайлович, позволю себе с Вами не согласиться. Я более двадцати лет изучал православную религию, якобы, основанную на Священном писании. И пришел к выводу, что это не так. Иисус, Иоанн и апостолы разыграли среди людей трагедию, основанную на предсказаниях ветхозаветных пророков, чтобы вернуть оскотинившееся человечество к богу, его законам, заповедям, наставлениям и поучениям, чтобы подняться от животного уровня своего существования до человеческого, указанного ветхозаветными пророками. Одни притчи царя Соломона чего стоят! А ведь, якобы, воскресшего Иисуса, никто из его учеников не узнал, и Фома не узнал, а сказал, что узнал только по ране, оставленной копьем стражника. Но ведь лицо Иисуса никто не изуродовал во время казни. А в пособии для православных верующих «Законе Божиим» говорится, что бог не изменяемый. Если Иисус не изменился, то почему же его не узнали по лицу? А одни узнали только по преломлению им хлеба, другой – по ране, оставленной копьем стражника?

– Прибавьте, что он был юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с непременным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью. Хотя, к несчастью, не понимают эти юноши, что жертва жизнью есть, может быть, самая легчайшая из всех жертв во множестве таких случаев и что пожертвовать, например, из своей кипучей юностью жизни пять-шесть лет на трудное, тяжелое учение, на науку, хотя бы для того только, чтобы удесятерить в себе силы для служения той же правде и тому же подвигу, который излюбил и который предложил себе совершить, – такая жертва сплошь да рядом для многих из них почти совсем не по силам. Алеша избрал лишь противоположную всем дорогу, но с тою же жаждой скорого подвига. **Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и бог существуют, то сейчас же, естественно, сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю».** Точно так же, если бы он порешил, что бессмертия и бога нет, то сейчас бы пошел в атеисты и в социалисты (ибо социализм есть не только рабочий вопрос, или так называемого четвертого сословия, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской баш-

ни, строящейся именно без бога, не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю). Алеше казалось даже странным и невозможным жить по-прежнему. Сказано: «Раздай все и иди за мной, если хочешь быть совершенен». Алеша и сказал себе: «Не могу я отдать вместо «всего» два рубля, а вместо «иди за мной» ходить лишь к обедне».

– Но ведь служение богу должно проявляться не в молитвах, обращенных к богу, а в делании добрых дел людям. В Евангелии Иисус дал четкое разъяснение по этому поводу. И жить надо, для делания добрых дел, не в монастырях, удалившись от людей, а среди людей.

– Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли.

– Но ведь тоже самое происходит и на светской службе, когда обязан во всем подчиняться воле своего начальника. Или ты слушаешься его во всем, и делаешь все – даже неприятное или преступное для себя и закона – и он продвига-

ет тебя по служебной лестнице, чтобы в твоём лице иметь помощника не только в качестве подчиненного, но и своего ставленника в разных кабинетах власти. И чем больше у него будет таких ставленников-послушников, тем легче ему будет вершить свои законные и противозаконные дела и делишки.

– О, он отлично понимал, что для смиренной души русско-го простолюдина, измученной трудом и горем, а главное, всегдашнюю несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть перед ним и поклониться ему: «Если у нас грех, неправда и искушение, то все равно есть на земле там-то, где-то святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле, а стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано». Знал Алеша, что так именно и чувствует и даже рассуждает народ, он понимал это, но то, что старец именно и есть этот самый святой, этот хранитель божьей правды в глазах народа – в этом он не сомневался нисколько и сам, вместе с этими плачущими мужиками и больными их бабами, протягивающими старцу детей своих. Убеждение же в том, что старец, почивши, доставит необычайную славу монастырю, царило в душе Алеши, может быть даже сильнее, чем у кого бы то ни было в монастыре. И вообще все это последнее время какой-то глубокий, пламенный внутренний восторг все

*сильнее и сильнее разгорался в его сердце. Не смущало его ни-
сколько, что этот старец все-таки стоит перед ним еди-
ницей: «Все равно, он свят, в его сердце тайна обновления
для всех, та мощь, которая установит, наконец, правду на
земле, и будут все святы, и будут любить друг друга, и не
будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни уни-
женных, а будут все как дети божии и наступит настоя-
щее царство Христово». Вот о чем грезилось сердцу Алеши.*

– Бог Отец (бог Саваоф) говорит: «*Не сотвори себе куми-
ра*». И не важно кто он – святой или преступник. Человек
должен обращаться только к душе усопшего родителя свое-
го по примеру Иисуса из Назарета. Правда сама по себе не
приходит без усилия, предпринимаемого людьми, жаждущи-
ми правды и распространяющими её. Но для этого надо изу-
чать учение Иисуса из Назарета и следовать ему, заниматься
самосовершенствованием, чтобы приблизиться по образу и
подобию к богу, а не к святому, который в молодости был
далек от праведного образа мыслей и жизни. По своей су-
ти Иисус был первым в мире коммунистом и проповедовал
утопический коммунизм, призывая не заботиться о дне зав-
трашнем, а все свое имущество продавать, отдавать деньги
в общую кассу, и жить на эти деньги до прихода «Царствия
Небесного», которого Иисус ожидал со дня на день. И Иисус
дал четкие указания, что надо делать, чтобы достичь «Цар-
ства Небесного», и эти знания доступны каждому, желающе-

му последовать за Иисусом.

– Сами давно знаете, что надо делать, ума в вас довольно: не предавайтесь пьянству и словесному невоздержанию, не предавайтесь сладострастию, а особенно обожанию денег, да закройте ваши питейные дома, если не можете всех, то хоть два или три. А главное, самое главное – не лгите.

– Пастыри Русской православной церкви уже во всех своих постах в интернете пишут, чтобы верующие покупали в храмах Евангелие, изучали его и следовали учению Иисуса Христа. Может быть, покупают и даже читают, но чтобы следовали учению Иисуса, не видно, особенно со стороны руководящего звена, будь то федеральная, региональная или муниципальная власть. Даже в Конституции РФ от 2020 года упомянули о боге, но только вспоминают о нем в православные праздники, а уж до следования его заповедям, законам, наставлениям и поучениям и говорить не приходится. Создается такое впечатление, что во всех уровнях власти собраны неграмотные, аморальные и невоспитанные граждане, «обожшающие сладострастие и деньги», спаивающие народ и тем самым сводящие в могилу русскую нацию.

– Это точь-в-точь как рассказывал мне, давно уже впрочем, один доктор – заметил старец. – Человек был уже пожилой и бесспорно умный. Он говорил так же откровенно,

как вы, хотя и шутя, но скорбно шутя: я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц. В мечтах я нередко, говорит, доходил до страстных помыслов о служении человечеству и, может быть, действительно пошел бы на крест за людей, если б это вдруг как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии прожить ни с кем в одной комнате, о чем знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уж его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу. В одни сутки я могу даже лучшего человека возненавидеть: одного за то, что он долго ест за обедом, другого за то, что у него насморк и он беспрерывно сморкается. Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще.

– Может быть, именно это свойственно руководителям всех уровней власти – любить человечество вообще, и ненавидеть людей, которым они должны служить согласно занимаемой должности верой и правдой, в частности?

Я заметил, что любить человечество вообще и человека в частности лучшего всего на расстоянии, и еще лучше, если при этом отсутствуют современные средства связи: радио, телевидение, интернет и телефон. Тогда и твоей душе бу-

дет спокойно, от того, что никто не навредит тебе никакими необдуманноими словами, и ты никому не навредишь, если, прежде что-либо написать, семь раз подумаешь и только после этого отправишь свое послание.

Мне представляется, что в бога больше верят женщины. Чего же они хотят получить от исповедуемой религии и услышать от священников? Внемлют ли они голосу разума и своего духовника, его нравочению? И чему хорошему он их учит?

– Главное, убегайте лжи, всякой лжи, лжи себе самой в особенности. Наблюдайте свою ложь и взглядывайтесь в нее каждый час, каждую минуту. Брезгливости убегайте тоже и к другим и к себе: то, что вам кажется внутри себя скверным, уже одним тем, что вы это заметили в себе, очищается. Страха тоже убегайте, хоть страх есть лишь последствие всякой лжи. Не пугайтесь никогда собственного вашего малодушия в достижении любви, даже дурных при этом поступков ваших не пугайтесь очень. Жалею, что не могу сказать вам ничего отраднее, ибо любовь деятельная сравнительно с мечтательной есть дело жестокое и устрашающее. Любовь мечтательная жаждет подвига скорого, быстрого удовлетворимого и чтобы все на него глядели. Тут действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорей свершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили. Любовь же

деятельная – это работа и выдержка, а для иных так, пожалуй, целая наука.

– Хорошо сказано, Федор Михайлович! Так ведь жизнь-то коротка и хочется всё успеть сделать и увидеть сделанное самим, и чтобы другие увидели это и оценили твой повседневный невидимый для постороннего глаза подвиг, который ты совершаешь ради людей, живущих рядом, и через них для всего человечества. Ведь если не видишь результата своего труда, то получается, что ты прожил жизнь напрасно, и зря так трудился на благо людей и всего человечества, если они не увидели этого и не оценили? Ведь не для бога же мы трудимся. У бога и без наших стараний всё есть и как пишут православные священники в «Законе Божиим» – «*Бог вседвольный*».

– Не далее как дней пять тому назад, в одном здеишем, по преимуществу дамском, обществе он торжественно заявил в споре, что на всей земле нет решительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себе подобных, что такого закона природы: чтобы человек любил человечество – не существует вовсе и что если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие. Иван Федорович прибавил при этом в скобках, что в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в че-

ловечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия. Но и этого мало, он закончил утверждением, что для каждого частного лица, например как бы мы теперь, не верующего ни в бога, ни в бессмертие свое, нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему, религиозному, и что эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении.

– Федор Михайлович, мне не встречались среди моих родных и знакомых, люди, которые бы изучали религию, хотя бы православную, и задумывались над теми вопросами бытия, о которых Вы говорите устами Ивана Федоровича Карамазова. В основном, современные верующие в бога, соблюдают только религиозные праздники и то весьма условно: в эти дни могут посещать храмы, ставить свечи, подавать поминальные и задравные записочки, освящать пасху и крещенскую воду, окунаться в «святые источники», исповедываться и причащаться; отмечать праздники застольями и бездельем, так как считается грехом работать в праздничные дни. И всё. Евангелие и «Закон Божий» (для семьи и школы) на читают, не следуют учению Иисуса и законам, заповедям, на-

ставлениям и поучения бога Отца (бога Саваофа) ни в праздники, ни в будни; поклоняются иконам, «святым мощам» и канонизированным РПЦ святым, чем наглядно подтверждают, что православная религия является языческой, далека от христианства и противоречит ему во всё. Современных верующих нельзя даже с оговоркой назвать верующими в бога, потому как они верят не в бога, а в золотого тельца, в деньги, на которые можно купить всё и всех. Они за бога желают всем еще живущим здоровья, а усопшим – «Царства небесного», без страшного суда и принятого богом решения. Если бы современные верующие в бога, верили в бессмертие, то они стремились бы следовать учению Иисуса и ветхозаветных пророков. А они о нем только говорят, но ничего не делают, чтобы обрести его. Даже и не помышлят о делании добрых дел для людей, а все силы и знания прилагают только для устройства собственной жизни.

Что бы Вы, Федор Михайлович, пожелали этим безбожникам и лицемерам?

– Не здесь твое место пока. Благословляю тебя на великое послушание в миру. Много тебе еще странствовать. И ожениться должен будешь, должен. Все должен будешь перенести, пока вновь прибудешь. А дела много будет. Но в тебе не сомневаюсь, потому и посылаю тебя. С тобой Христос. Сохрани его и он сохранит тебя. Горе узришь великое и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе завет: в горе счастья

ищи. Работай, неустанно работай.

– Хорошее пожелание – нечего сказать: «*в горе счастья ищи*». А, может быть, Вы и правы. Ведь без горя, без житейских проблем вряд ли кто обратится к богу. Но ведь обращаются то не для того, чтобы исправиться, а чтобы бог помог перенести горе или избавил от него. Ведь Книгу Иова никто из верующих, полагаю, не читал, потому и не хотят долго горевать, а предпочитают быть здоровыми и радоваться жизни, в чем и видят свое счастье.

– Пусть мирские слезами провожают своих покойников, а мы здесь отходящему отцу радуемся. Радуемся и молим о нем.

– В том-то и разница: монахи всё же в своих кельях могут осилить учение Иисуса и, если и не следовать ему в полной мере, то хотя бы понять его смысл. А мирские и не притрагиваются к нему, и знать его не хотят, поэтому и льют слезы, а не радуются, что душа усопшего покинула своё тленное тело и отправилась в вечное путешествие по бескрайнему мирозданию, в котором встретит души своих родных и близких, друзей и соседей, с которыми связали свою судьбу во время своей земной жизни.

– Тут... тут, брат, нечто, чего ты теперь не поймешь.

Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или даже только в часть одну тела женского (это сладострастник может понять), то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество; будучи честен, пойдет и украдет; будучи кроток – зарежет, будучи верен – изменит. Певец женских ножек, Пушкин, ножки в стихах воспевал; другие не воспевают, а смотреть на ножки не могут без судорог. Но ведь не одни ножки... Тут, брат, презрение не помогает, хотя бы он и презирал Грушеньку. И презирает, да оторваться не может.

– От любви люди сходят с ума, творят безумства, потому что этот процесс не управляемый и не контролируемый. Влюбившись в женщину, мужчина становится безумцем. Вспомните, хотя бы, сына Тараса Бульбы, который влюбился в полячку... А любить и быть расчетливым в любви невозможно. Воспевать можно в женщине что угодно: ножки, глазки, губки... Но полюбить её можно только всю целиком, даже не поняв при этом за что. Просто она вся входит в сердце, и ты ничего не можешь поделать с тем чувством, которое тобой овладевает по отношению к ней. Она становится твоей частью, без которой ты просто не можешь жить, становится дороже всех на свете. Без отца и без матери, без детей и внуков ты, став взрослым, живешь самостоятельно и можешь прожить. А вот без любимой женщины – нет! Она овладевает тобой целиком и полностью, твоим телом и твоей

душой. Без нее ты становишься калекой – не способной ни на что хорошее. Только соединив себя с ней, ты становишься чем-то цельным, способным к жизни и всему хорошему, или плохому, в зависимости от того, как складывается жизнь – кто она и кто ты в этой жизни.

– Ум его в плену. В нем мысль великая и неразрешенная. Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить.

– Если овладевает человеком какая-то мысль, и он может развить в себе способность мыслить, то не разрешив вошедшей в него мысли, он будет мучиться до тех пор, пока не найдет решение, устраивающее его.

– Алеша «пронзил его сердце» тем, что «жил, все видел и ничего не осудил». Мало того, принес с собою небывалую вещь: совершенное отсутствие презрения к нему, старику, напротив – всегдашнюю ласковость и совершенно натуральную прямодушную привязанность к нему, столь мало ее заслужившему. Все было для старого потаскуна и бессемейника совершенным сюрпризом, совсем для него, любившего доселе одну лишь «скверну», неожиданным. По уходе Алеша он признался себе, что понял кое-что, чего доселе не хотел понимать.

– Только встретившись и пообщавшись с праведником, или прочитав хорошую, умную книгу, начинаешь понимать насколько ты сам хорош или плох, и что тебе надо предпринять, чтобы исправиться и стать хоть немного похожим на встреченный тобой в жизни или в книге пример богообразия и праведности.

– По наружности своей Григорий был человек холодный и важный, не болтливый, выпускающий слова веские, нелегкомысленные. Точно так же невозможно было бы разъяснить в нем с первого взгляда: любил он свою безответную, покорную жену или нет, а между тем он ее действительно любил, и та, конечно, это понимала. Эта Марфа Игнатьевна была женщина не только не глупая, но, может быть, и умнее своего супруга, по меньшей мере рассудительнее его в делах житейских, а между тем она ему подчинялась безропотно и безответно, с самого начала супружества, и бесспорно уважала его за духовный верх. Замечательно, что оба они всю жизнь свою чрезвычайно мало говорили друг с другом, разве о самых необходимых и текущих вещах. Важный и величественный Григорий обдумывал все свои дела и заботы всегда один, так что Марфа Игнатьевна раз навсегда давно уже поняла, что в советах ее он совсем не нуждается. Она чувствовала, что муж ценит ее молчание и признает за это в ней ум. Бить он ее никогда не бивал, разве всего только один раз, да и то слегка.

– Такая супружеская пара встречается не часто. Конечно, в современных многоэтажках говорить об этом невозможно, потому что проживающие в одной из квартир, в лучшем случае знают нескольких соседей, проживающих рядом, и уж, конечно, не всех, проживающих в 100-200-300 квартирах дома, который один вмещает в себя целую деревню, а то и село.

– Мужик наш мошенник, его жалеть не стоит, и хорошо еще, что дерут его иной раз и теперь. Русская земля крепка березой. Истребят леса, пропадет земля русская. Я за умных людей стою. Мужиков мы драть перестали, с большого ума, а те сами себя пороть продолжают. И хорошо делают. В ту же меру мерится, в ту же и возмерится, или как это там... Одним словом, возмерится. А Россия свинство. Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию... то есть не Россию, а все эти пороки... а пожалуй что и Россию.

– Так ведь пороки сами собой не появляются и не исчезают. С ними надо бороться. А как? Надо учить людей мыслить, хорошо себя вести и в семье, и в общественных местах. Всему учить, с чем человек сталкивается в своей жизни. А если не учить, то и будет процветать свинство. И не Россия в этом виновата, и не простолюдины, а наделенные властью, распоряжающиеся общими деньгами граждане. Если не на-

правлять необходимых средств на воспитание из человеческого детеныша человека разумного, то откуда же возьмутся праведники? Церковь устранилась от воспитания своих прихожан, переложив это на плечи крестных родителей, о чем заявила в «Законе Божиим». А крестным родителям забыли, наверное, об этом сообщить и снабдить необходимой для этого литературой, а затем проконтролировать как они справляются с этой богоугодной задачей. А если крестные родители такие же непросвещенные и невоспитанные граждане, как и родители их крестника, то какого результата можно ожидать от такого воспитания? Никакого! Религии тысячи лет тому назад создавались с целью воспитать из человекообразных животных человек разумных, но такая вселенская задача оказалась православной церкви не по силам, и она занялась решением своих материальных вопросов, забыв о наставлении Иисуса Христа и ветхозаветных пророков.

– В Мокром я проездом спрашиваю старика, а он мне: «Мы очень, говорит, любим пуще всего девок по приговору пороть, и пороть даем всё парням. После эту же, которую ноне порол, завтра парень в невесты берет, так что оно самим девкам, говорит, у нас повадно».

– Значит, парням больше по сердцу не праведницы, а преступницы? Чем же вина их перед законом так привлекает парней? Или привлекает не их вина а сам процесс порки, ко-

торый приоткрывает перед ними завесу женской тайны, которую они прячут под юбкой? И эта тайна привлекает их настолько, что они готовы им все простить, лишь бы видеть эту женскую тайну как можно чаще?

– *Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле. Сие сознание есть венец пути иноческого, да и всякого на земле человека. Ибо иноки не иные суть человеки, а лишь только такие, какими и всем на земле людям быть надлежало бы. Тогда лишь и умилилось бы сердце наше в любовь бесконечную, вселенскую, не знающую насыщения. Тогда каждый из вас будет в силах весь мир любовью приобрести и слезами своими мировые грехи омыть... Всяк ходи около сердца своего, всяк себе исповедуйся неустанно. Греха своего не бойтесь, даже и сознав его, лишь бы покаяние было, но условий с богом не делайте. Паки говорю – не гордитесь. Не гордитесь перед малыми, не гордитесь и перед великими. Не ненавидьте и отвергающих вас, позорящих вас, поносящих вас и на вас клеветующих. Не ненавидьте атеистов, злоучителей, материалистов, даже злых из них, не токмо добрых, ибо и из них много добрых, наипаче в наше время. Поминайте их на молитве тако: спаси всех, господи, за кого некому помолиться, спаси и тех, кто не хочет тебе молиться. И прибавьте тут же: не по*

*гордости моей молю о сем, господи, ибо и сам мерзок есмь паче всех и вся... Народ божий любите, не отдавайте стада отбивать пришельцам, ибо если заснете в лени и в брезгливой гордости вашей, а пуще в корыстолюбии, то придут со всех стран и отобьют у вас стадо ваше. Толкуйте народу **Евангелие неустанно**... Не лихоимствуйте... Сребра и золота не любите, не держите... Веруйте и знамя держите. Высоко возносите его...*

– Значит, не христианская религия православие. Потому как Иисус Христос велел любить не только ближнего своего, но и врага своего. А враги исповедуют такое же язычество, как и православные, только называют его иначе: кто католицизмом, кто лютеранством и т. д. В одной только России несколько лет тому назад, когда я углубленно изучал этот вопрос, было зарегистрировано 70 религиозных конфессий. Как тогда быть с иноверцами в своей стране, в таком случае? Религии и поклонения богам могут быть разными, но цель у них должна быть одна – воспитание из человекообразного животного Человека разумного. И если какие-либо религии не служат этой цели, то они наносят непоправимый вред и каждому человеку в отдельности, и обществу в целом.

Нельзя противопоставлять одну религию другой, одну ставить выше, а другую ниже. Это будет обидно для того, чью религию принижают.

– Знайте, это ужасно как тяжело для обиженного человека, когда все на него станут смотреть его благодетелями... я это слышал, мне это старец говорил. Я не знаю, как это выразить, но я это часто и сам видел. Да я ведь и сам точно так же чувствую.

– Нередко приходится сталкиваться с тем, что люди, от которых в чем-то зависит твоя жизнь, понимают это, но не делают, как это предписывает им закон и религия. Они сами придумывают себе законы и религии, которые их устраивают. Как же с ними быть, в таком случае?

– Знаете, мой старец сказал один раз: за людьми сплошь надо как за детьми ходить, а за иными как за больными в больницах...

– Я понимаю, если бы это относилось к рядовым гражданам, но когда «ходить надо как за детьми, или как за больными» за наделенными властными полномочиями гражданами – это что-то из ряда вон выходящее. Они же не любят никого, кроме себя, и ведут себя по отношению к другим – как к чужим, ненавистным им гражданам.

– Я тебе должен сделать одно признание, – начал Иван, – я никогда не мог понять, как можно любить ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а

разве лишь дальних. Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь.

– Я замечал, что любить любого человека: будь то ближний или дальний, легче всего на расстоянии. Когда он вдали от тебя, когда ты не соприкасаешься с ним ни в чем: ни в делах, ни в личных отношениях.

– *Кстати, мне недавно рассказывал один болгарин в Москве, – продолжал Иван Федорович, как бы и не слушая брата, – как турки и черкесы там у них, в Болгарии, повсеместно злодействуют, опасаясь поголовного восстания славян, – то есть жгут, режут, насилуют женщин и детей, прибивают арестантам уши к забору гвоздями и оставляют так до утра, а поутру вешают – и проч., всего и вообразить невозможно. В самом деле, выражаются иногда про «зверскую» жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток. Тигр просто грызет, рвет и только это и умеет. Ему и в голову не вошло бы прибивать людей за уши на ночь гвоздями, если б он даже и мог это сделать. Эти турки, между прочим, с сладострастием мучили и детей, начиная с вырезания их кинжалом из чрева матери до бросания вверх грудных младенцев и подхватывания их на*

штык в глазах матерей. На глазах-то матерей и составляло главную сладость. Но вот, однако, одна меня сильно заинтересовавшая картинка. Представь: грудной младенец на руках трепущущей матери, кругом вошедшие турки. У них затеялась веселая штука: они ласкают младенца, смеются, чтоб его рассмешить, им удается, младенец рассмеялся. В эту минуту турок наводит на него пистолет в четырех вершках расстояния от его лица. Мальчик радостно хохочет, тянется ручонками, чтоб схватить пистолет, и вдруг артист спускает курок прямо ему в лицо и раздробляет ему голову... Художественно, не правда ли? Кстати, турки, говорят, очень любят сладкое.

– Федор Михайлович, Вы приводите пример почти двухсотлетней давности. Но ведь почти то же самое современные граждане России могли наблюдать во время террористических актов в школе Беслана и других местах.

– У меня есть и родные штучки и даже лучшие турецких. Знаешь, у нас большие битье, большие розга и плеть, и это национально: у нас прибитые гвоздями уши немислимы, мы все-таки европейцы, но розги, но плеть – это нечто уже наше и не может быть у нас отнято.

– Про розгу упоминает и Священное писание, когда говорит о воспитании детей. Возьмите, к примеру притчи царя

Соломона. Он призывает родителям применить розгу в воспитательных целях.

– У Некрасова есть стихи о том, как мужик сечет лошадь кнутом по глазам, «по кротким глазам». Этого кто ж не видал, это русизм.

– Не следует, по-моему, присваивать таким деяниям национальные корни. В зарубежных исторических романах встречаются такие примеры жестокого обращения с домашними животными, что волосы дыбом встают. Ведь, если обратиться к Ветхому завету Священного писания, то в нем трудно найти богобоязненного и праведного человека мужского и даже женского пола, кроме праведного Иова и Даниила. Ноя, которого бог Саваоф также причислял к избранным, я бы не стал так величать за его пьнство и несправедливое отношение к сыну, который увидел его обнаженным в пьяном виде и поведал братьям. Разве сын был виновен в пьянстве и недостойном поведении отца, а не сам отец – Ной? А бог сделал из Ноя – святого, а из сына – изгоя.

– Так татары нам растолковали и кнут на память подарили. Но можно ведь сечь и людей. И вот интеллигентный, образованный господин и его дама секут собственную дочку, младенца семи лет, розгами – об этом у меня подробно записано. Папенька рад, что прутья с сучками, «садче бу-

дет», – говорит он, и вот начинается «сажать» родную дочь. Я знаю наверно, есть такие секущие, которые разгорячаются с каждым ударом до сладострастия, до буквального сладострастия, с каждым последующим ударом все больше и больше, все прогрессивней. Секут минуту, секут, наконец, пять минут, секут десять минут, дальше, больше, чаще, садче. Ребенок кричит, ребенок, наконец, не может кричать, задыхается: «Папа, папа, папочка, папочка!».

– Федор Михайлович, не надо путать садизм с воспитанием. Воспитанные родители будут своим примером воспитывать детей, а не розгами. Но если дети или ребенок сделает что-то из ряда вон выходящее и слова ему для исправления не помогают и он вновь повторит свой неприемлемый для человеческого общества поступок, здесь уж не обессудьте – лучше оставить память на всю жизнь розгами, чтобы не по-вадно было, чем махнуть на него рукой – будь, что будет, на все воля божья... Есть ведь и другие приемы эффективного воспитания детей без розог, но им следует учить родителей. А если не учить, то они будут следовать тому способу воспитания, который позаимствовали от своих родителей...

– Видишь, я еще раз положительно утверждаю, что есть особенное свойство у многих в человечестве – это любовь к истязанию детей, но одних детей. Ко всем другим субъектам человеческого рода эти же самые истязатели отно-

*сятя даже благосклонно и кротко как образованные и гуманные европейские люди, но очень любят мучить детей, любят даже самих детей в этом смысле. Тут именно незащищенность-то этих созданий и соблазняет мучителей, ангельская доверчивость дитяти, которому некуда деться и не к кому идти, – вот это-то и распяляет гадкую кровь истязателя. **Во всяком человеке, конечно, таится зверь, зверь гневливости, зверь сладострастной распяляемости от криков истязуемой жертвы, зверь без удержу, спущенного с цепи, зверь нажитых в разврате болезней, подагр, больных печенок и проч.***

– Если это сохраняется в них, то лишний раз убеждает, что религия совершенно бессмысленна и неэффективна в вопросе воспитания, и от нее следует отказаться, чтобы не вводить в заблуждение малообразованных в вопросах религии граждан. В религии есть много полезных советов каким человеку надо стать, но нет практических рекомендаций – как этого достичь. Молитвы и разыгрываемые в храмах библейские сценки для этого совершенно не пригодны. Надо следовать рекомендациям современных педагогов, которые и в теории и на практике смогли подтвердить свои методы воспитания.

– Скажи мне сам прямо, я зову тебя – отвечай: представь, что это ты сам возводишь здание судьбы челове-

ской с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданыще, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

– Ни за что! На несчастье других, а тем более младенца, счастья себе и обществу не построишь! Это, наоборот, отодвинет на несколько столетий создание счастливого и справедливого общества. Основанием счастливого и справедливого общества может быть только любовь к ближнему, дальнему, врагу, ко всему живому, материальному и духовному...

– *«Имеешь ли ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел?» – спрашивает его мой старик и сам отвечает ему за него, – нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле. Все, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот ты теперь*

увидел этих «свободных» людей, – прибавляет вдруг старик со вдумчивой усмешкой. – Да, это дело нам дорого стоило, – продолжает он, строго смотря на него, – но мы dokonчили наконец это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этой свободой, но теперь это кончено и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?».

– О какой свободе можно говорить и можно ли в человеческом обществе? Само существование человеческого общества подразумевает самоограничение свободы и ограничение свободы каждого человека государством и церковью. Отсутствие этих ограничений свобод приведет к анархии и хаосу, так как свободным человек может быть только при условии достижения высокого уровня человеческой зрелости всеми членами общества, а пока он остается на низком человеческом или даже животном уровне своей зрелости, говорить о его свободе преждевременно и вредно для самого же человека и человечества в целом.

– *«Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщи-*

ки могут быть счастливыми? Тебя предупреждали, – говорит он ему, – ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам. Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать, и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?».

– Пока каждый человек имеет свою правду, придуманную самим религию и светские законы, не желая изучать и следовать уже придуманным до него много веков и даже тысячелетий тому назад, он будет топтаться на месте или даже пятиться назад. Чтобы двигаться вперед, надо, как говорил в свое время В. И. Ульянов-Ленин: *«учиться, учиться и еще раз учиться!»*. Пока двуногие это не поймут и не начнут, во-первых, учиться мыслить, чтобы становиться людьми, а, во-вторых, учиться вести себя, как человеки, а не как дикие звери или как домашние животные, человеческое общество само по себе не преобразуется.

– *И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль тебе до-*

роги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать – так ужасно им станет под конец быть свободными! Но мы скажем, что послушны тебе и господствуем во имя твое. Мы их обманем опять, ибо тебя мы уж не пустим к себе. В обмане этом будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать. Вот что значил этот первый вопрос в пустыне, и вот что ты отверг во имя свободы, которую поставил выше всего. А между тем в вопросе этом заключалась великая тайна мира сего. Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единоголичного существа, так и целого человечества вместе – это: «пред кем преклониться?» Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение. Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и

преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе. Вот эта потребность общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков. Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом.

– Все сказанное Вами, Федор Михайлович, относится не к христианству, а к православному язычеству, в которое Савл (Павел) вместе с первосвященниками, фарисеями и книжниками вернул христиан. А Иисус не призывал к поклонению ему, а призывал следовать его учению и говорил, что тех, кто последует ему он своими друзьями назовет. Он только начал строить свободное и справедливое общество людей; апостолы не совсем умело продолжили его дело, но превосвященники, фарисеи и книжники, увидев, что они люди не книжные, и не могут с ними спорить, быстро смекнули это и с помощью гонителя христиан Савла (Павла) вернули верующих в Иисуса Христа в рабское язычество с поклонением иконам, мощам святых, крестам и прочим символам веры.

– Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть.

– Чтобы «*овладеть свободой людей*», не надо ничего для них делать, не надо их успокаивать, а надо вернуть им игру в религию, и они сами придумают как расстаться со своей свободой и найдут кому поклоняться. На то они и рабы божьи, как они себя именуют.

– Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того чтоб овладеть свободой людей, ты увеличил им ее еще больше! Или ты забыл, что спокойствие и даже смерть человеку дороже свободного выбора в познании добра и зла? Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее.

– Никто, по большому счету, не задумывается об этой тайне, все хотят просто жить, как все. И живут согласно русской пословице: «*Куда один баран, туда и все стадо*». Главное, чтоб кто-нибудь громко и уверенно указать цель жизни и больше этому «*стаду христову*» ничего не надо. Все сказанное Вами, Федор Михайлович, относится только к высокообразованным и мыслящим людям, которых с каждым годом становится все меньше и меньше, а большинство живут по принципу: «*Чем меньше знаешь, тем лучше спишь*».

В моем обозримом окружении нет ни одного человека, который бы вдумчиво относился к религии, читал Священное писание, или хотя бы Евангелие. Книжки по философии тоже не читают. Никто ни о какой свободе не мечтает и не говорит. Говорят только о недостатке денег, непогашенных кредитах, о повышении цен на бензин и продукты питания...

– Вместо того древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве твой образ пред собою, – но неужели ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже твой образ и твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора? Они воскликнут наконец, что правда не в тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач. Таким образом, сам ты и положил основание к разрушению своего же царства и не вини никого в этом более.

– За человека древними законами было уже все решено. Моисею по библейской легенде законы, заповеди и наставления дал бог Саваоф. И неплохие, надо заметить, законы. Если бы им следовали древние люди и наши современники, то мир был бы другим. Как я уже упомянул выше, царство создаваемое Иисусом Христом разрушили первосвященники, фарисеи и книжники и помог им в этом ярый гонитель

христиан Савл (Павел).

– *Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, – эти силы: **чудо, тайна и авторитет.***

– Современные педагоги, труды которых я читал, Макаренко и Сухомлинский, на практике продемонстрировали, что существуют другие силы: справедливость, честность, порядочность, долг, миролюбие, милосердие, любовь, преданность, добросовестность, добропорядочность, трудолюбие, товарищество и тому подобные... Вот они – главные движущие силы прогресса и построения справедливого человеческого общества, о котором мечтал Иисус из Назарета.

– *Приняв этот третий совет могучего духа, ты исполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть и третья и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потребность всемирности соединения людей. Ве-*

ликие завоеватели, Тимуры и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению .

– Что же мешает этому единению? Желание одних людей властвовать над другими людьми, одних народов – над другими народами, одних государств – над другими государствами. Иисус Христос предупредил, что «*кто был первым, будет последним, а кто был последним будет первым*». Возлюбите друг друга и относитесь к другим так, как вы хотели бы, чтобы они относились к вам. Простые истины, доступные для понимания даже людям со слабыми умственными способностями. Так, почему же люди с высокими умственными способностями, возглавляющие народы и государства не постигнут этой простой истины, этого духа любви, о котором говорил в своих проповедях Иисус Христос?

– Мне мерещится, что даже у масонов есть что-нибудь вроде этой же тайны в основе их и что потому католики так и ненавидят масонов, что видят в них конкурентов, раздробление единства идеи, тогда как должно быть едино стадо и един пастырь...

– Пастырь у всех свой – душа усопшего отца твоего небесного, к которому каждому следует обращаться за советом

и помощью. Только он сможет подсказать своему чаду что следует делать и от чего отказаться. И у каждого ребенка, вынашиваемого матерью, с которой у него устанавливается прочная связь посредством пуповины, продолжается во время вскармливания грудью, и заканчивается с момента создания собственной семьи, когда мать ему заменяет его жена; после окончания земной жизни отца, с его душой устанавливается прочная связь, которой можно пользоваться, как учил Иисус Христос, закрывшись в своей комнате и обратившись к отцу своему небесному. Вот он – пастырь, который ведет по земной жизни своего сына или дочь и помогает им, когда они обращаются к нему за советом или помощью, но иногда, возможно, он и сам проявляет инициативу в судьбах своих детей, вмешиваясь в их земную жизнь без их просьб.

– Да еще скажусь тебе, матушка, что всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех.

– Это уж чересчур, Федор Михайлович: *«пред всеми во всем виноват»*. Если человек даже близко не находился от какого-то события и не мог повлиять на его исход со своего отдаления, то какая же может быть на нем вина? Каждый отвечает перед небесной канцелярией только за свою конкретную вину, а не за общую, в которой он не принимал участия.

– Из дома родительского вынес я лишь драгоценные вос-

поминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском, и это почти всегда так, если даже в семействе хоть только чуть-чуть любовь да союз. Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные, если только сама душа твоя способна искать драгоценное.

– Федор Михайлович, подписываюсь под каждым словом этого тезиса.

– В Петербурге, в кадетском корпусе, пробыл я долго, почти восемь лет, и с новым воспитанием многое заглушил из впечатлений детских, хотя и не забыл ничего. Взамен того принял столько новых привычек и даже мнений, что преобразился в существо почти дикое, жестокое и нелепое. Лоск учтивости и светского обращения вместе с французским языком приобрел, а служивших нам в корпусе солдат считали мы все как за совершенных скотов, и я тоже. Я-то, может быть, больше всех, ибо изо всех товарищей был на все восприимчивее. Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести почти никто из нас и не знал, что она такое есть, а узнал бы, так осмел бы ее тотчас же сам первый. Пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордидились. Не скажу, что были скверные; все эти молодые люди были хорошие, да вели-то себя сквер-

но, а пище всех я.

– Каждому возрасту свойственны свои восхищения, свои надежды и заблуждения, свои подвиги и свои мерзости, о которых и вспоминать не хочется. В этом, по-видимому, и заключается взросление и становление человека из ребенка, подростка, юноши в мужчину.

– А о том, продолжает, что всякий человек за всех и за вся виноват, помимо своих грехов, о том вы совершенно правильно рассудили, и удивительно, как вы вдруг в такой полноте могли сию мысль обнять.

– Извините, Федор Михайлович, не принимаю эту мысль и не собираюсь отвечать за чужие грехи, в которых не повинен.

Чужая беда не дает ума.

– Правда, некоторые, вначале немногие, а потом все больше и больше стали веровать в истину его показаний, и очень начали посещать меня и расспрашивать с большим любопытством и радостью: ибо любит человек падение праведного и позор его.

– Это высказывание годится в качестве девиза нынешнего телевидения и многих печатных СМИ и интернет-изданий.

– Посмотрите у мирских и во всем превозносящемся над народом божьим мире, не искажился ли в нем лик божий и правда его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: «Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай» – вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали. Уверяют, что мир чем далее, тем более единится, слагается в братское общение тем, что сокращает расстояния, передает по воздуху мысли. Увы, не верьте такому единению людей. Понимая свободу как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства. Иметь обеды, выезды, экипажи, чины и рабов-прислужников считается уже такою необходимостью,

для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтоб утолить эту необходимость, и даже убивают себя, если не могут утолить ее. У тех, которые небогаты, то же самое видим, а у бедных неутоление потребностей и зависть пока заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются и кровью, к тому их ведут. Спрашиваю я вас: свободен ли такой человек?

– Это провидческий тезис о реформах 90-х годов. Когда под лозунгом о свободе, забыли о чести, совести, человеколюбии и всем остальном, что должно отличать человека от животного.

– Инока корят его уединением: «Уединился ты, чтобы себя спасти в монастырских стенах, а братское служение человечеству забыл».

– Это его выбор. Зачем его укорять за слабость. Он таким образом решил сохранить себя для жизни с богом, так как жизнь земная с людьми ему оказалась не по силам. Не смог он найти себя в делании добрых дел для людей, но и пако-стить не захотел, вот и удалился от исполнения своего земного предназначения в монастырь в надежде спастись там от грязи и зла человеческого.

От народа спасение Руси

– Народ верит по-нашему, а неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален. Это помните. Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь. Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ богоносец.

– С этим Вашим выводом, Федор Михайлович, можно согласиться только в том случае, если народ осмыслит языческую православную религию и поймет, что в неё его вернули из христианства с одной целью – поклонения чужим богам, вместо русских, славянских: Сварога, Перуна, Велеса и других, которым через ветхозаветных пророков велел поклоняться бог Саваоф. Нет у нас «единой православной Руси» и быть не может при таком множестве религиозных конфессий, которые находят своих последователей. И само православие не идентифицирует русских, как народ, как нацию. Православие, кроме русских, исповедуют и другие народы: греки, грузины, армяне, украинцы... И возникло православие не на Руси. Православие – чужая для русского человека религия, навязанная князем Владимиром из-за желания взять в жены сестру царей Константинопольских, которая отказалась выходить замуж за язычника.

– Боже, кто говорит, и в народе грех. А пламень растления умножается даже видимо, ежечасно, сверху идет. На-

ступают и в народе уединение: начинаются кулаки и мироеды; уже купец все больше и больше желает почестей, стремится показать себя образованным, образования не имея нисколько, а для сего гнусно пренебрегает древним обычаем и стыдится даже веры отцов. Ездит ко князьям, а всего-то сам мужик порченый. Народ загноился от пьянства и не может уже отстать от него. А сколько жестокости к семье, к жене, к детям даже; от пьянства все. Видал я на фабриках десятилетних даже детей: хилых, чахлых, согбенных и уже развратных. Душиная палата, стучащая машина, весь божий день работы, развратные слова и вино, вино, а то ли надо душе такого малого еще дитяти? Ему надо солнце, детские игры и всюду светлый пример и хоть каплю любви к нему.

– С реформами 90-х, которыми обещали народу «молочные реки с кисельными берегами», дали, Федор Михайлович, именно то, о чем Вы писали почти 150 лет тому назад. Всё вернулось на круги своя, и никак из этого ведьминого круга народ не может вырваться.

– «Но спасет бог Россию, ибо хоть и равратен простолюдин и не может уже отказать себе во смрадном грехе, но все же знает, что проклят богом его смрадный грех и что поступает худо, греша. Так что неустанно еще верует народ наш в правду, бога признает, умиленно плачет. Не то у

высших. Те вослед науке хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа, как прежде, и уже провозгласили, что нет преступления, нет уже греха. Да оно и правильно по-ихнему: ибо если нет у тебя бога, то какое же тогда преступление? В Европе восстает народ на богатых уже силой, и народные вожаки повсеместно ведут его к крови и учат, что прав гнев его. Но «проклят гнев их, ибо жесток». А Россию спасет господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его. Отцы и учителя, берегите веру народа, и не мечта сие: поражало меня всю жизнь в великом народе нашем его достоинство благолепное и истинное, сам видел, сам свидетельствовать могу, видел и удивлялся, видел, несмотря даже на смрад грехов и нищий вид народа нашего. Не раболепен он, и это после рабства двух веков. Свободен видом и обращением, но без всякой обиды. И не мстителен, и не завистлив. «Ты знатен, ты богат, ты умен и талантлив – и пусть, благослови тебя бог. Чту тебя, но знаю, что и я человек. Тем, что без зависти чту тебя, тем-то и достоинство мое являю пред тобой человеческое».

– Была в России попытка жить по-Христу, только называли это не христианством, а социализмом. Ведь Христос был первым в мире коммунистом, призывавшим все имущество сделать общим и чтобы жили все вместе: и возвеличившие себя богатством и должностями, и скромные тружени-

ки фабрик, заводов и полей, без которых никакого величия и богатства не могло бы быть у современных человеко-хищников. А что в Европе? Да там уже практически во всех западно-европейских странах существует социалистическое общество, и к власти приходят социалисты, заботящиеся в равной степени и о народе, и о предприимчивых гражданах, которые могут самостоятельно зарабатывать большие деньги, немалую долю из которых отдают на общие нужды в виде налогов и в качестве благотворительной помощи нуждающимся. И исповедуют они такую же языческую религию, с той лишь разницей, что называют её иначе. А суть сводится, как и в России, к пышному празднованию религиозных праздников и толерантному отношению ко многим грехам, которые в христианской религии считаются смертными.

– Но спасет бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим. Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим: на то идет. Лишь в человеческом духовном достоинстве равенство, и сие поймут лишь у нас.

– Сие может произойти только в том случае, если верующие в бога перестанут поклоняться, подобно язычникам,

богам, а будут неукоснительно исполнять законы, заповеди и поучения, данные богом народу через ветхозаветных пророков и новозаветных апостолов. Без самообразования и самосовершенствования, только уповая на бога, этого достичь невозможно.

– Не принимает род людской пророков своих и избивает их, но любят люди мучеников своих и чтят тех, коих замутили.

– Все это свидетельствует как раз не о богобоязни, не о любви к ближнему, не о соблюдении заповедей божиих, а о безбожии, богоборчестве и антихристианстве.

– Ты же для целого работаешь, для грядущего делаешь. Награды же никогда не ищи, ибо и без того уже велика тебе награда на сей земле: духовная радость твоя, которую лишь праведный обретает. Не бойся ни знатных, ни сильных, но будь премудр и всегда благолепен. Знай меру, знай сроки, научись сему. В уединении же оставаясь, молись.

– Трудись честно, выпоняй свою работу на совесть. А оставшись в уединении, занимайся самообразованием и самосовершенствованием, чтобы приблизиться по образу и подобию своему к тому, к кому направлены твои помыслы о вечной жизни.

– Пусть этот ропот юноши моего был легкомыслен и безрассуден, но опять-таки, в третий раз повторяю (и согласен вперед, что, может быть, тоже с легкомыслием): я рад, что мой юноша оказался не столь рассудительным в такую минуту, ибо рассудку всегда придет время у человека неглупого, а если уж и в такую исключительную минуту не окажется любви в сердце юноши, то когда же придет она?

– На ропот юноши хороший совет дал царь Соломон. Не буду повторять его, а порекомендую познакомиться с его притчами, которые должны стать настольной книгой до тех пор, пока не станет юноша, молодой и зрелый человек уверен, что принял их всем умом и сердцем и не сойдет с избранного пути в достижении «Царства Небесного», а для этого надо, в первую очередь, создать это «Царство» в своей душе во время земной жизни..

– Это было только «жалкое» слово... Ну... жалкие слова надо прощать, непременно. Жалкие слова тешат душу... без них горе было бы слишком тяжело у людей.

– С чего начинается Священное писание? Сначала было слово... Жалкие слова следует прощать, а полновесные, умные, воспитательные и проникающие в душу, следует свято хранить и приумножать.

– Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости людской помог... «Кто любит людей, тот и радость их любит...» Это повторял покойник поминутно, это одна из главнейших мыслей его была... Без радости жить нельзя, говорит Митя... Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощения – то опять-таки он говорил...».

– М. Ю. Лермонтов в одном из своих стихотворений сказал: «делить веселье все готовы, никто не хочет грусть делить». Кто любит людей, тот должен их любить и в радости, и в горести, и в веселии, и в грусти... Жизнь человека многогранна и не может состоять только из радостей.

– Я вам скажу вашу идею: вы отыщете прииски, наживете миллионы, воротитесь и станете деятелем, будете и нас двигать, направляя к добру. Неужели же все представить жидам?

– Отчего же? Петр I дал четкие рекомендации как следует и кем формировать властные структуры. Посылал учиться в Европу знатных и грамотных русских дворян и горожан, привозил учителей в Россию, создавал собственную промышленную базу и дипломатические миссии. Екатерина II также в своем первом манифесте «О свободно поселении

иностранных в России», подчеркнула кого не следует пускать в империю. Только вот потомки отменили эти мудрые директивы монархов, отдав Россию на откуп иммигрантам. И теперь наши современники пожинают плоды этого непослушания великих императоров российских...

Дать взаймы – значит поссориться.

– Видишь, сударь, когда сын божий на кресте был распят и помер, то сошел он с креста прямо во ад и освободил всех грешников, которые мучились. И застонал ад об том, что уж больше, думал, к нему никто теперь не придет, грешников-то. И сказал тогда аду господь: «Не стони, аде, ибо придут к тебе отселева всякие вельможи, управители, главные судьи и богачи, и будешь восполнен так же точно, как был во веки веков, до того времени, пока снова придут».

– Согласно православному вероучению, после распятия, когда тело Иисуса Христа находилось в гробнице, его душа спустилась в ад и вывела из ада всех ветхозаветных праведников, а также Адама и Еву. А в Священном писании по этому поводу написано следующее: «*И вот завеса в храме раздралась на-двое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли, и, вышедши из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим»* (От Матфея, 27, 51-53). Федор Михайлович, если души грешников в аду

Иисус и освободил, то не вывел из ада. Не оставил Иисус ад пустым и пополняется он ежечасно и ежеминутно новыми грешниками, в том числе и православными священниками.

– У людей все привычка, во всем, даже в государственных и в политических отношениях. Привычка – главный двигатель.

– Не зря говорят, что привычка – вторая натура. Кто-то живет только одними безусловными рефлексамии, и привыкает к этому и считает это нормальным. Кто-то на протяжении жизни вырабатывает в себе немало условных положительных или отрицательных рефлексов, которые отличают его от нежелающих этого делать, и становятся такими, какими их сделали данные природой безусловные рефлексии и выработанные самими или учителями, командирами, начальниками условные рефлексии. Таким образом, все люди отличаются друг от друга и трудно встретить похожего одного на другого не по одежде, а по поведению, по делам и разговорам. Слабые натуры подчиняются более сильным и перенимают от них те или иные привычки, которые со временем становятся их собственными и определяют их сущность.

– Я ему сейчас вот говорил: «Карамазовы не подлецы, а философы, потому что все настоящие русские люди философы, а ты хоть и учился, а не философ, ты смерд».

– Трудно, конечно, согласиться, что *«все настоящие русские люди философы»*. Во-первых, я никогда не слышал, чтобы когда-либо кто-либо проводил изучение этого вопроса. А просто так сказать для красного словца можно о чем угодно. И поверят в это, если это слово понравится своей новизной, остротой или похвалой, или скажет его челдовек, мнению которого люди доверяют.

– *«Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь все позволено, все можно делать?»* – *«А ты и не знал?»* – *говорит. Смеется. «Умному, говорит, человеку все можно, умный человек умеет раков ловить, ну а вот ты, говорит, убил и влопался и в тюрьме гниешь!»*.

– Если русский человек – философ, то он придумает свою жизнь и постоит её в соответствии со своей придумкой. А если просто болтун, то проболтает свою жизнь и ничего в ней не добьется.

– *Григорий честен, но дурак. Много людей честных благодаря тому, что дураки.*

– А в чем, Федор Михайлович, заключается ум? В том, чтобы обманывать и жить за счет доверчивых, за счет дура-

КОВ?

– Божe тебя сохрани, милого мальчика, когда-нибудь у любимой женщины за вину свою прощeния просить! У любимой особенно, особенно, как бы ни был ты пред ней виноват! Потому женщина – это, брат, черт знает что такое, уж в них-то я, по крайней мере, знаю толк! Ну попробуй пред ней сознаться в вине «виноват, дескать, прости, извини»: тут-то и пойдет град попреков! Ни за что не простит прямо и просто, а унизит тебя до тряпки, вычитает, чего даже не было, все возьмет, ничего не забудет, своего прибавит, и тогда уж только простит. И это еще лучшая, лучшая из них! Последние поскребки выскребет и все тебе на голову сложит – такая, я тебе скажу, живодерность в них сидит, во всех до единой, в этих ангелах-то, без которых жить-то нам невозможно! Видишь, голубчик, я откровенно и просто скажу: всякий порядочный человек должен быть под бабшмаком хоть у какой-нибудь женщины. Таково мое убеждение; не убеждение, а чувство. Мужчина должен быть великодушен, и мужчину это не замараеt. Героя даже не замараеt, Цезаря не замараеt! Ну, а прощeния все-таки не проси, никогда и ни за что.

– Такое вряд ли это возможно, если хочешь сохранить общение с любимой женщиной. Просить прощeния всё равно придется, но только за то, в чем пред ней лично виноват, на-

чиная отсчет только с того времени, когда познакомился с ней и полюбил её. А прежние свои грехи лучше не вспоминать при ней и не просить за них прощения. Что было, то быльем поросло и не надо ворошить его и вытаскивать из дальних уголков своей памяти. От прежних грехов, особенно совершенных с другими женщинами, бывшими до нее, обида разыграется пуще, чем за совершенные перед ней самой. Забудь про них, как-будто их и не было. Знай только одно – у тебя новая жизнь, у тебя новая любовь и живи только ей без остатка. Ведь нельзя вернуть детство, отрочество, молодость, так же не надо возвращать и прежнюю жизнь, в которой любил других женщин.

– Это вы вправду меня учили-с, ибо много вы мне тогда этого говорили: ибо коли бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе. Это вы вправду. Так я и рассудил.

– Бог – понятие весьма условное. Кто под ним понимает всю матушку-природу, в которой мы живем. Кто – разум, который по мнению Данте Алигьери настолько велик, что его не может вместить наш мозг. Я представляю его в виде Вселенского коллективного разума и души отца моего небесного – столяра Василия. По-моему, исходя из мировых религий, можно сделать вывод, что бесконечность, вечность и бессмертие существуют, но познание всего этого находится в зача-

точной стадии, и это больше понятие философское, нежели материальное.

– Но колебания, но беспокойство, но борьба веры и неверия – это ведь такая иногда мука для совестливого человека, вот как ты, что лучше повеситься. Я именно, зная, что ты капельку веришь в меня, подпустил тебе неверия уже окончательно, рассказав этот анекдот.

– У каждого из нас свое предназначенье в земной жизни, но надо это предназначенье угадать, высмотреть в своей душе, в своем сердце. Ведь не для совершения же преступлений рождается человек, а для совершения добрых и полезных для человека и человечества дел. А если пойти по преступному пути, то только загубишь свою душу, и души тех, кого свернешь с праведного пути, кого ограбишь, изнасилуешь или убьешь...

– «Господа присяжные заседатели, – начал обвинитель, – настоящее дело прогремело по всей России. Но чему бы, кажется удивляться, чего так особенно ужасаться? Нам-то, нам-то особенно? Ведь мы такие привычные ко всему этому люди! В том и ужас наш, что такие мрачные дела почти перестали для нас быть ужасными! Вот чему надо ужасаться, привычке нашей, а не единичному злодеянию того или другого индивидуума. Где же причины нашего равноду-

ишия, нашего чуть тепленького отношения к таким делам, к таким знамениям времени, пророчествующим нам незавидную будущность? В цинизме ли нашем, в раннем ли истощении ума и воображения столь молодого еще нашего общества, но столь безвременно одряхлевшего? **В расшатанных ли до основания нравственных началах наших** или в том, наконец, **что этих нравственных начал**, может быть, **у нас совсем даже и не имеется?** Не разрешаю эти вопросы, тем не менее они мучительны, и всякий гражданин не то что должен, а обязан страдать ими. Наша начинающаяся, робкая еще наша пресса оказала уже, однако, обществу некоторые услуги, ибо никогда бы мы без нее не узнали, сколько-нибудь в полноте, про те ужасы разнузданной воли и нравственного падения, которые беспрерывно передает она на своих страницах уже всем, не одним только посещающим залы нового гласного суда, дарованного нам в настоящее царствование. И что же мы читаем почти повседневно? О, про такие вещи поминутно, пред которыми даже теперешнее дело бледнеет и представляется почти чем-то уже обыкновенным. Но важнее всего то, что множество наших русских, национальных наших уголовных дел свидетельствуют именно о чем-то всеобщем, о какой-то общей беде, прижившейся с нами и с которой, как со всеобщим злом, уже трудно бороться».

– И современная пресса только и пишет о творимых

преступниками беззакониях, акцентируя внимание читателей именно на них, мотивируя это тем, что эта информация пользуется у читателей их листков большей популярностью, нежели статьи о праведном и законопослушном гражданине. Это свидетельствует о еще низком уровне человеческой зрелости как каждого человека в отдельности, так и общества в целом. И пресса не способствует, не насаждает моду на приличное и нравственное поведение, а скорее своими статьями о преступниках формирует у людей представление о норме поведения, которая противоречит и религиозным канонам и светским законам.

– «В самом деле, – продолжал он, – что такое это семейство Карамазовых, заслужившее вдруг такую печальную известность по всей даже России? Может быть, я слишком преувеличиваю, но мне кажется, что в картине этой семейки как бы мелькают некоторые общие основные элементы нашего современного интеллигентного общества, – о, не все элементы, да и мелькнуло лишь в микроскопическом виде, «как солнце в малой капле вод», но все же нечто отразилось, все же нечто сказалось. Посмотрите на этого несчастного, разнузданного и развратного старика, этого «отца семейства», столь печально покончившего свое существование. Родовой дворянин, начавший карьеру беденьким приживальщиком, чрез нечаянную и неожиданныю женитьбу схвативший в приданое небольшой капиталчик, внача-

ле мелкий плут и льстивый шут, с зародышем умственных способностей, довольно, впрочем, неслабых, и прежде всего ростовщик. С годами, то есть с нарастанием капиталчика, он ободряется. Приниженность и заискивание исчезают, остается лишь насмешиливый и злой циник и сладострастник. **Духовная сторона вся похерена, а жажда жизни чрезвычайная.** Свелось на то, что, кроме сладострастных наслаждений, он ничего в жизни и не видит, так учит и детей своих. **Отеческих духовных каких-нибудь обязанностей – никаких.** Он над ними смеется, он воспитывает своих маленьких детей на заднем дворе и рад, что их от него увозят. Забывает об них даже вовсе. Все нравственные правила старика – *après moi le deluge* (после меня хоть потоп). Все, что есть обратного понятию о гражданине, полнейшее, даже враждебное отъединение от общества: «Гори хоть весь свет огнем, было бы одному мне хорошо». И ему хорошо, он вполне доволен, он жаждет прожить так еще двадцать – тридцать лет. Он обсчитывает родного сына и на его же деньги, на наследство матери его, которые не хочет отдать ему, отбивает у него, у сына же своего, любовницу.

< > Обижусь ли я общество, сказав, что это один даже из многих современных отцов? Увы, столь многие из современных отцов лишь не высказываются столь цинически, как этот, ибо лучшие воспитаны, лучшие образованы, а в сущности – почти такой же, как и он, философии. < > Но вот, однако, дети этого старика, этого отца семейства: один

пред нами на скамье подсудимых, об нем вся речь впереди; про других скажу лишь вскользь. Из этих других, старший – есть один из современных молодых людей с блестящим образованием, с умом довольно сильным, уже ни во что, однако, не верующим, многое, слишком уже многое в жизни отвергшим и похерившим, точь-в-точь как и родитель его. < > Здесь умер вчера, самоубийством, на краю города, один болезненный идиот, сильно привлеченный к настоящему делу, бывший слуга и, может быть, побочный сын Федора Павловича, Смердяков. Он с истерическими слезами рассказывал мне на предварительном следствии, как этот молодой Карамазов, Иван Федорович, ужаснул его своим духовным безудержем. «Все, дескать, по-ихнему, позволено, что ни есть в мире, и ничего впредь не должно быть запрещено, – вот они чему меня всё учили». Кажется идиот на этом тезисе, которому обучили его, и сошел с ума окончательно, хотя, конечно, повлияли на умственное расстройство его падучая болезнь, и вся эта страшная, разразившаяся в их доме катастрофа».

– Увы, Федор Михалович, проходят столетия, но ничего практически не меняется. В советское время на съезде КПСС приняли «Моральный кодекс строителя коммунизма», но так и не смогли его реализовать. Не нашлось в Политбюро и ЦК КПСС желающих начать с себя исполнять это решение партии. А без личного примера со стороны руководи-

телей, народ такие программы исполнять не станет. В современной России примеров нравственного поведения со стороны руководителей разного уровня ожидать не приходится тем более, потому что главой государства не озвучено до настоящего время, какое общество он строит в стране. Безнравственность, беспринципность, беззаконие, казнокрадство и коррупция стали нормой во всех эшелонах власти.

– Я ведь нарочно, господа присяжные, прибежал теперь сам к психологии, чтобы наглядно показать, что из нее можно вывести все что угодно. Все дело, в каких она руках.

– Психологией, к сожалению, пользуются только для сохранения нынешней власти, а не для воспитания высоко-нравственных граждан.

– Еще никогда не делала Катя таких признаний Алеше, и он почувствовал, что она теперь именно в той степени невыносимого страдания, когда самое гордое сердце с болью крушит свою гордость и падает побежденное горем. О, Алеша знал и еще одну ужасную причину ее теперешней муки, как ни скрывала она ее от него во все эти дни после осуждения Мити; но ему почему-то было бы слишком больно, если б она до того решилась пасть ниц, что заговорила бы с ним сама, теперь, сейчас, и об этой причине. Она страдала за свое «предательство» на суде, и Алеша предчувствовал,

*что совесть тянет ее повиниться, именно перед ним, перед
Алешей, со слезами, со взвизгами, с истерикой, с битьем об
пол. Но он боялся этой минуты и желал пощадить стра-
дающую.*

– Человек, у которого еще не загубела душа, у которого сердце еще не стало каменным, сохранил в себе возможность вернуть себя в то состояние, которое именуется Человеком разумным. Это по силам любому оступившемуся, было бы желание и терпение для его исполнения.

Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!

Беседа с Артуром Конан Дойлем

Артур Ингейшус Конан Дойл (22 мая 1859, Эдинбург – 7 июля 1930, Уиндлшем, Кроуборо) – английский писатель (по образованию врач) ирландского происхождения, автор многочисленных приключенческих, исторических, публицистических, фантастических и юмористических произведений.

Цитаты взяты из книги «Записки о Шерлоке Холмсе»

– Всякая жизнь – это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и потому ни один смертный не может достичь полного совершенства в этой области.

– Совершенно справедливо. Ни в одной области знаний одному человеку невозможно познать все даже «долгим и прилежным трудом». И причиной этого является не только короткая жизнь, но и повседневное движение вперед, открытие людьми чего-то нового и совершенствование старого. За всем этим одному человеку просто невозможно угнаться.

– Говорят, будто гений – это бесконечная выносливость, – с улыбкой заметил он. – Довольно неудачное определение,

но к работе сыщика подходит вполне.

– Может быть, это определение в качестве общего для всех людей и неудачно, но, если взять конкретные профессии, требующие, прежде всего, выносливости, то она может привести обладающего им к гениальному открытию или высокому профессионализму в работе, или служению Родине.

– Понимаю. В этом преступлении есть таинственность, которая действует на воображение; где нет пицци воображению, там нет и страха.

– Отличный вывод. Попробовал представить себя в разных ситуациях, в которых страх является неотъемлемой частью душевного состояния. Без тени воображения, людям идущим напролом и добивающимся поставленной цели, страх, наверное, не знаком. Говорят, что это свойственно дуракам, которые не заморачиваются размышлениями о законности, морали и порядочности для достижения своей цели. А умники, как только представят через какие принципы им надо будет переступить, чем поплатиться, от кого отвернуться, кого предать, – нередко отказываются от реализации заманчивого проекта, не желая марать себя нечистоплотными поступками и отвержением самого понятия морали.

– В этом мире неважно, сколько вы сделали, – с горечью

произнес Холмс. – Самое главное – суметь убедить людей, что вы сделали много.

– Это девиз нынешней власти всех уровней, начиная с муниципальной, и заканчивая верховной.

– *Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один-единственный факт, который и есть истина.*

– Этот метод давно используется в медицине при диагностике болезней и называется методом исключения.

– *Я не могу жить без напряженной умственной работы. Исчезает цель жизни. Посмотрите в окно. Как уныл отвратителен и безнадежен мир! Посмотрите, как желтый туман клубится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома. Что может быть более прозаично и грубо материально? Какая польза от исключительных способностей, доктор, если нет возможности применять их? Преступление скучно, существование скучно, ничего не осталось на земле, кроме скуки.*

– По-моему, здесь имеет место лукавство. Разве Ваш герой не играл на скрипке, не занимался боксом? А это – хотите Вы этого или нет – часть жизни. Мне больше по вкусу разнообразие: чередование «напряженной умственной рабо-

ты» над текстами книг; рисование пейзажей и портретов в поисках своего стиля и видения изображаемых предметов и лиц; чтение интересных книг и выуживание из них цитат, с выводами писателей, с которыми соглашаюсь или спорю; прогулки по лесу и сидение с удочкой на берегу реки во время которых можно напрямую общаться с богом, небесной канцелярией или Вселенским коллективным разумом...

– *Мы привыкли, что люди издеваются над тем, чего они не понимают (нем.). Гете, как всегда, глубок и краток.*

– Мне такие люди незнакомы. Может быть, в Западной Европе таких много, и в России, может быть, имеются, но я с такими не встречался и сам никогда не издевался над тем, чего не понимаю. Скорее, задумывался и старался понять.

– *Это все равно, что, идя по ручью, дойти до озера, откуда он вытекает. Он высказал одну парадоксальную, но глубокую мысль о том, что истинное величие начинается с понимания собственного ничтожества. Она предполагает, что умение оценивать, сравнивая, уже само по себе говорит о благородстве духа.*

– Судя по всему, это чисто английское видение этого предмета. Почему «истинное величие начинается с понимания собственного ничтожества»? Почему «умение оцени-

вать, сравнивая, уже само по себе говорит о благородстве духа»? Скорее, это говорит о способности человека мыслить. Хотя, если подойти к тому, что человека отличает от животного речь, умение трудиться в коллективе и мышление, то наличие мышления можно отнести к категории «благородства духа». Ведь, к сожалению, мышлению в российских школах, колледжах и вузах не учат, предоставив эту одну из главных составляющих человека, изучать и воспитывать в себе самостоятельно. А «истинное величие», по-моему, «начинается с понимания» того, что твои устремления связаны с твоим народом и твоей Родиной.

– Самое главное, – начал Холмс, когда мы расположились на снастях ялика, – имея дело с простыми людьми, не давать им понять, что хочешь что-то узнать у них. Стоит им только это понять, сейчас же защелкнут створки, как устрицы. Если же выслушивать их с рассеянным видом и спрашивать невпопад, узнаешь от них все, что угодно.

– Надо просто задать им тему для разговора и они расскажут все, что знают безо всяких дополнительных вопросов, не дав, желающему задать вопрос, даже рта открыть.

– Женщинам никогда нельзя доверять полностью, даже лучшим из них.

– Тайны, доверенные вам, никому нельзя передоверять, ни мужчинам, ни женщинам, *«даже лучшим из них»*. Я бы так сказал, потому что мне встречалось больше мужчин, желающих рассказать о чьих-либо тайнах и вообще о чем они от кого-то что-то узнали. И их при этом лучше не перебивать и не вступать в с ними в дискуссию.

– *Один из наших великих государственных мужей сказал как-то, что перемена занятия – лучший отдых. И это правильно.*

– Это тоже одно из правил здорового образа жизни: людям умственного труда рекомендуют заниматься физическими нагрузками, а людям физического труда – от монотонного исполнения работы переходить к творческому отдыху: рисованию, посещению театров, музеев, выставочных залов, чтению книг, прогулкам.

– *Странное все-таки существо человек.*

– *Кто-то назвал человека животным, наделенным душой.*

– *Уинвуд Рид хорошо сказал об этом, – продолжал Холмс. – Он говорит, что отдельный – это неразрешимая загадка, зато в совокупности люди представляют собой некое математическое единство и подчинены определенным законам. Разве можно, например, предсказать действия от-*

дельного человека, но поведение целого коллектива можно, оказывается, предсказать с большой точностью. Индивидуумы различаются между собой, но процентное отношение человеческих характеров в любом коллективе остается постоянным. Так говорит статистика.

– Именно поэтому идеологи предпочитают управлять толпой, а не индивидуумами. При смене политической формации правило управления толпой не меняется, а только используются соответствующие духу времени слова, интонации и лозунги.

– *Но любовь – вещь эмоциональная, и, будучи таковой, она противоположна чистому и холодному разуму. А разум я, как известно, ставлю превыше всего. Что касается меня, то я никогда не жёнюсь, чтобы не потерять ясности рассудка.*

– Вы – еще один автор, который утверждает, что любовь – это сумашествие.

– *Это случай спас меня от угнетающей скуки, – проговорил Шерлок Холмс зевая. – Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь – сплошное усилие избежать тоскливого однообразия будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне в*

этом.

– Эту особенность человека «разгадывать маленькие загадки», повидимому, использовали составители кроссвордов и сканвордов, которые стали популярными в последние годы.

– *Человек – ничто, произведение – все (франц.), – как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд.*

– Каждый нахваливает свое произведение. Для писателя его произведение – его дитя. Но скажите эту фразу матери – она не оценит Ваш вывод.

– *Идеальный мыслитель, – заметил он, – рассмотрев со всех сторон единственный факт, может проследить не только всю цепь событий, результатом которых он является, но также и все вытекающие из него последствия.*

– Такие мыслители на вес золота. За ними охотятся и спецслужбы, и банкиры, и серьезные конструкторские бюро, и торговые фирмы.

– *Ведь лучший способ добраться до сути дела – рассказать все его обстоятельства кому-то другому .*

– Это замечательный эпиграф для моей книги «Рассказы попутчиков», которым я обязательно воспользуюсь, и реклама психологам и психотерапевтам. Так ведь это делают писатели и философы, а читатели их произведений учатся у них мастерству добираться до сути дела.

– Худшие из всех призраков – это призраки наших бывших привязанностей.

– На эту мысль с ходу, пожалуй, не ответишь. Она настраивает на размышления. И это тоже хорошо.

– Учиться никогда не поздно, Уотсон. Образование – это цепь уроков, и самый серьезный приходит под конец.

– Учиться следует всю жизнь, только тогда от учебы будет польза и самому обучающемуся и его окружению. Тот же, кто прекращает это делать, начинает деградировать.

Беседа с Морисом Дрюоном

Морис Самюэль Роже Шарль Дрюон (23 апреля 1918, Париж – 14 апреля 2009, Париж) – известный современный французский писатель, член Французской академии (1967), министр культуры Франции (1973-1974).

Цитаты взяты из книг серии исторических романов «Проклятые короли».

– Его издавна восхищало и удивляло, какими неисповедимо таинственными путями идут человеческие судьбы.

– Знакомое чувство. Меня восхищало, когда я видел молодую пару симпатичных и воспитанных людей, бережно и нежно из года в год относящихся друг к другу. В этом их отношении друг к другу я видел не только проявление любви, но и блестящего воспитания, переданного им родителями, бабушками и дедушками, одним словом – семьей, в которой они росли и видели только аналогичные примеры поведения со стороны своих близких. Вместе с тем, меня удивляло, когда я видел как рядом с моральным уродом, с вечно недовольным лицом и матерящимся по любому поводу и без такового, послушно и безропотно шла красивая или симпатичная девушка. Как такое может быть? Неужели она не видит и не понимает внутренний мир этого хама, не до-

пускает, что он будет пить и бить её? Как такие браки могут благославляться на небесах, как об этом говорят православные священники и верующие в бога? Разве бог или небесная канцелярия не видят на какое мучение толкают эту красивую девушку, которая могла бы жить с хорошим и воспитанным парнем, рожать красивых и умных детей, а не моральных уродов, похожих на своего отца?

Глядя на этих антиподов, я задавался вопросом: Как возникают мысли и желания связать свою судьбу с тем или иным человеком?

– Тут только Гуччо сообразил, что впервые всерьез думает о свадьбе с прекрасной наследницей Нофля, которую и видел-то он, по правде говоря, всего два раза в жизни. Так игра воображения направляет наши судьбы, и стоит человеку облечь в слова свои почти не осознанные желания, как он чувствует себя обязанным воплотить их в жизнь.

– Это Ваше высказывание относится к романтикам, к людям способным на высокие чувства, на любовь. Как приятно читать эти строки и думать о чистой и вечной любви...

– Недостаточная сообразительность – это еще не грех; такое может случиться с каждым из нас, и к тому же это прямая противоположность злему умыслу .

– Это Ваше высказывание как нельзя лучше подходит к случаю, произошедшему с одним из моих попутчиков на лесной тропе в начале зимы 2024 года, о котором он мне поведал и попросил написать о нем рассказ и опубликовать в книге. Приведу выдержку из его рассказа: «Зимняя лесная тропа была узкой и идущим навстречу взрослым и детям, мужчинам и женщинам я уступал дорогу, отходя немного в сторону с тропы. Мне не доставляло это никаких неудобств, напротив, я был обут в легкие и достигающие колен рыболовные сапоги, которые не тонули в снегу не в пример ботиночкам прогуливающимся по лесу отдыхающих граждан. К тому же я медленно, подобно черепахе, передвигался по тропе, и мне было неловко без ускорения проходить мимо уступающих мне тропинку граждан. Когда меня пытались пропустить по тропе, я настойчиво показывал отмашкой руки, что я уступаю им дорогу, чтобы не ускорять свой ход; и ждал, пока мимо меня пройдут вежливые граждане, желающие уступить дорогу пожилому человеку. Это правило стало для меня нормой, и я довел его до автоматизма, уступая тропу и показывая рукой, чтобы меня не пропускали, а шли по ней дальше. Делал это уже, не задумываясь.

И вот однажды, навстречу мне шли две женщины: одна молодая красивая и вторая – по возрасту была похожей на ее маму или кого-то из старших и близких ей людей. По выработанной привычке, доведенной до автоматизма, я отошел с

тропы в сторону, и когда молодая женщина поравнялась со мной и неожиданно для меня поздоровалась и сделала шаг навстречу мне, чтобы, как я понял позднее, заговорить со мной, моя рука непроизвольно показала, что я уступаю ей дорогу. А ею мой жест рукой мог быть истолкован совсем по-другому: «Проходите мимо, я не хочу с Вами общаться» или что-то в этом духе. Моя прекрасная незнакомка не знала о моей привычке уступать всем тропу, и подкреплять это от-машкой руки, поэтому резко отвернув от меня, так и не сказав больше ни слова, гордой походкой пошла по узкой тропе дальше.

А кроме поведенческого автоматизма, о котором я рассказал, у меня была и другая привычка, выработанная годами: я во время прогулок занимал свои мысли размышлениями на разные темы, а то и просто мечтал о чем-нибудь. Не стала исключением и эта прогулка, и когда возникла эта конфузная для меня ситуация, я витал где-то в облаках и переключатель не сумел быстро сработать и вернуть меня с небес на землю. Все произошло так молниеносно, что я даже не успел осознать случившееся, а когда осознал, ничего изменить было уже нельзя. В такую глупейшую ситуацию я, наверное, никогда до этого не попадал.

А через два дня, так как билеты были куплены заблаговременно, я надолго уехал к сыну, так и не увидев моей прекрасной незнакомки, не объяснив причину моего конфуза и не извинившись перед ней за свое неприличное в данной си-

туации поведение. Сознательно я не мог бы поступить дурно, потому что это противоестественно моей натуре. И, конечно, никакого злого умысла у меня не было. За те секунды, прошедшие после шага, сделанного моей прекрасной незнакомкой навстречу мне, у меня просто не могли появиться мысли – отвергнуть знакомство с молодой красивой женщиной. Да и для чего мне было отвергать это знакомство?

Я до сих пор не могу понять, – как такое могло произойти?».

Но кто же или что же все-таки определяет те или иные наши поступки и цель земной жизни? Мы сами, или ведущее нас по жизни провидение?

– Имя – это как бы символ жизни человеческого существа и его единства!

– Интересная мысль. Я по случаю купил «Календарь именин», предназначенный для священно-церковно-служителей. Из сопроводительного текста С. Булгакова следует: «Наречение имени иначе называется «названием». Имена святых возлагаются на нас в знамение союза членов Церкви земной с членами Церкви, торжествующей на небесах. Те и другие составляют одно тело под единою главою Христом и находятся в живом общении между собой. Святые, обитающие на небесах, принимают живое участие в судьбе земных братьев: радуются, взирая на их богоугодную жизнь, скорбят

при виде их падения, заблуждений и несчастий; ограждают от искушений и бед, заступаются...».

Давайте вместе, отталкиваясь от вышеназванного календаря, разберемся в этом вопросе. Олег Васильевич Еремин – так, в соответствии с последними стандартами, пишется мое полное имя. Имя Олег – означает «священный» (сканд.); имя моего отца Василия – означает «царский» (греч); фамилия Еремин – близка по написанию и произношению с именем ветхозаветного пророка Иеремии, а в своем значении, если взять за основу фамилии имя Еремей (Иеремей, Ерема), – означает «вестник» (греч.). Если моё полное имя перевести на священно-церковный язык, то получится – «Священный царский вестник». А кто царь на небесах? Бог! Стало быть, мое полное имя и мой «*символ жизни*» – «Священный божий вестник», а в религиозном контексте – «пророк». Смее надеяться, что мой «*символ жизни*» говорит о моей прямой связи с Богом, или Вселенским коллективным разумом. Может быть, этот символ и подтолкнул меня к написанию пяти книг на библейскую тему, а может быть, и продиктовал мне эти книги сам Бог, или Вселенский коллективный разум, а я только записал сказанное ими? О таком феномене говорили и некоторые российские композиторы, художники и ученые. Чтобы убедиться в этом, посмотрите, к примеру, архивные записи программ «Романтика романса» (с ведущими Е. Гусевой и Е. Кунгуровым) и «Монолог в четырех частях» (с Александром Шиловым)...

Как говорил ветхозаветный пророк: «Но когда сбудется, – вот, уже и сбывается, – тогда узнают, что среди них был пророк» (Иезекииль, 33:33).

В феврале 2026 года мне исполнилось 75 лет, так что скоро узнаю, как говорится, из первых рук, – соответствует ли «Календарь именин» и значение моего имени действительности.

– С годами наш характер почти не меняется, и в любом возрасте мы способны натворить ошибок. Волосы седеют быстрее, чем мы избавляемся от своих слабостей.

– И в этом не могу с Вами не согласиться. Я – старик, мне 75 лет, а я не ощущаю своего возраста; мне кажется, что я готов на те же безумные поступки, которые совершал в юности и молодости. Я своим чувствам, своему сердцу доверяю больше, чем своей голове. Не знаю – кто мною руководит при этом: небесная канцелярия или бог, изображенный согласно Священному Писанию на лицевой стороне медали, или сатана, изображенный на оборотной стороне той же медали? И если в «Законе Божиим» (для семьи и школы) говорится, что бог – «вседовольный», то ему вряд ли захочется отвлекаться на такие мелочи, как руководство делами и помыслами человеческими, а тем более какого-то одного человека из 7 миллиардов и даже более. А сатане Деннице согласно библейской легенде, в которой говорится об искушении Иису-

са в пустыне, богом переданы все царства мира. Стало быть, он и руководит всеми, кто ему поклонится? Я не закладывал сатане свою душу. Тогда кто руководит теми, кто не поклонился сатане Деннице? Души усопших родителей? Души людей, снискавших себе земную славу за свои труды и свое примерное поведение? Кому бог или Вселенский коллективный разум доверяет вести во время земной жизни того или иного человека?

– Как черств и неблагодарен человек, раз он не воздает хвалу создателю за самые простые вещи, которые делают жизнь приятной: за пищу по вкусу, за теплую комнату ...

– Я бы отметил в первую очередь: за восход солнца, который он может созерцать пробудившись ото сна утром. Вот она радость жизни. Так и хочется петь при этом песню Давида Тухманова «Как прекрасен этот мир», только жаль, что одному – без любимой женщины, которую хотел бы назвать не только своей любимой, но и женой... Как прекрасно было бы прочитать ей слова клятвы, приносимой при бракосочетании в прошлые века.

– Беру тебя, Филиппа, в законные жены, дабы иметь при себе на ложе своем и у очага своего... в красоте и убожестве, в счастье и несчастье, в болезни и в здравии... пока не разлучит нас смерть... и во всем этом я даю тебе свою клятву.

– Не просто сказать «да» – я согласен стать твоим мужем, а произнести слова клятвы, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не нарушить её.

– Пророки, ревностно служащие господу своему, духовные вожаки народа, сильные своей одержимостью, умеют как никто заразить толпу своей верой. Публично выраженная любовь также наделена этим свойством, чувства одного человека способны сплотить людей в едином порыве.

– Вот почему придается большое значение крепости брака главы государства. Если же он разводится со своей женой, то есть согласно учению Иисуса Христа толкает её на путь прелюбодеяния – смертного греха, то чего хорошего можно ожидать от простых смертных, многие из которых берут пример или сравнивают свои поступки с поступками главы государства.

– Не было среди собравшихся у собора ни одной женщины, которая, независимо от возраста, будь то счастливая новобрачная или обманутая жена, вдова, девица, дряхлая бабка, не поставила бы себя сейчас на место невесты, и не было ни одного мужчины, не отождествлявшего себя в эти минуты с юным королем. Эдуард III сочетался с вечно женственным, с женской половиной своих подданных, и, каза-

лось, само королевство единодушно выбрало ему в подруги Филиппу. Все грезы юности, все разочарования зрелости, все сожаления старости о несбывшихся надеждах влеклись к молодой чете, подобно дару, приносимому каждым сердцем. Нынче вечером тьму улиц прережет сияние этих молодых глаз, и даже старые супружеские пары, уже давно живущие, хоть бок о бок, но каждый сам по себе, возьмутся после ужина за руки.

– Может быть, так, а может быть, и нет. Такие церемонии, совершавшиеся во времена монархий, могли зажечь сияние даже в старых глазах. А главы государства, регионов, областных центров и муниципальных образований нынешнего общества, которому затрудняется дать название даже президент, оставляющий без ответа вопрос: «какое общество он строит?», не в состоянии продемонстрировать примеры высоконравственного поведения, пригодные для подражания совершеннолетним гражданам страны.

– И если с давних времен народ всегда стремится поглазеть на королевскую свадьбу, то движет людьми одно желание – пережить, если не прямо, то хоть косвенно, минуты этого счастья, ибо, вознесенное на такую высоту, оно кажется совершенным.

– Всякое публичное деяние вызывало желание поглазеть

на него: будь то свадьба или похороны. Что касается оценки этого деяния, я воздержусь её давать. Сейчас все средства массовой информации захлестнула демонстрация пошлости, а не совершенства. И этой пошлостью кормят миллионы зрителей телеканалов ежедневно в неизмеримых количествах.

– Только лишь первые узы любви могут быть полностью чисты и полностью счастливы. И если, на вашу беду, было не так, ничем их не заменить. Сколько бы вы ни любили потом, никогда любовь не будет столь совершенной в своей чистоте; пусть даже она крепка, как мрамор, все равно в жилах ее струится не живая алая кровь, а уже иссохшая кровь минувшего.

– Позволю себе не согласиться с этим выводом. Во-первых, потому, что Вы на протяжении всего повествования не раз подчеркивали, что мужчины, любящие всем сердцем женщину, которую готовы взять в жены и отдать за неё свою жизнь, тем не менее, встречались и с другими женщинами, и не единожды. Женщины же, как правило, должны были оставаться целомудренными и непорочными до официального замужества. Во-вторых, такое совершенство отношений между мужчиной и женщиной возможно только при условии, что они познакомились в раннем возрасте и не успели еще нагрешить. Примеры тому: не достигший 16-летия король Эдуард III и 14-летняя Филиппа, Ромео и Джу-

льетта... Говорить так о современных женщинах и мужчинах весьма проблематично, потому что это зависит от воспитания в семье, от примера, подаваемого родителями, от прочитанных книг и просмотренных фильмов. К тому же сейчас в таком раннем возрасте женятся и выходят замуж крайне редко, что к тому же противоречит действующему законодательству. А до совершеннолетия – до 18 лет ой как много можно нагрешить... Мне известны случаи, когда девушки, встречаясь с молодыми людьми, не теряли девственности до официального замужества. Но это не всегда приводило к совершенству в их семейных отношениях с мужьями. А некоторые несовершеннолетние школьницы до окончания школы имели половые контакты более чем со ста молодыми мужчинами (чаще солдатами срочной службы)...

– Прошедшее отмериваешь годами, но будущее осмеливаешься мерить только месяцами или неделями.

– Совершенно справедливо. Большинство моих ровесников – родственников, друзей и соседей уже умерли, дожив в лучшем случае до 72 лет. Остались еще несколько не совсем здоровых, но сумевших справиться с вредными привычками и болезнями мужчин. Женщины в этом плане более успешны – доживают и до 89, и до 96, и даже до 100 лет... Но если говорить о качестве жизни этих долгожителей, то не у всех оно одинаково.

Я даже не берусь загадывать – когда небесная канцелярия решит призвать меня к себе на вечную службу и в каком качестве.

– Государству вовсе не обязательно, для того, чтобы стать могущественным, иметь огромную территорию или большое население. Надо только, чтобы в народе было развито чувство гордости, чтобы он был способен на порыв и чтобы им долгое время правил разумный монарх, который сумел бы зажечь в душах людей огонь высоких устремлений.

– Как-то Н. С. Михалков в «Бесогоне» задал вопрос президенту и попросил его сказать, какое общество он строит. А действительно – какое? В советское время строили коммунистическое. И сейчас, после включения в Конституцию РФ в 2020 году упоминания о боге, должны вернуться к коммунистической идеологии, чтобы это включение не было сделано для «красного словца». Ведь Иисус Христос был первым в мире коммунистом и создал первую в мире коммунистическую общину. Правда, его теория и проповедь вела к утопическому коммунизму, при котором следовало все имущество собрать воедино в интересах всех людей и проедать его, не заботясь о дне завтрашнем, вплоть до прихода «Царствия Небесного», которое он ожидал со дня на день. И посмотрите – сколько у него сторонников, сколько людей выражают

свое желание следовать его учению о справедливом и миролюбивом обществе во время своей земной жизни. Не поставив перед людьми высоких целей, привлекательных для них, можно ли ожидать развития в них чувства гордости за свою страну, за свою власть, за общество, которое они создают...

– Ибо люди лишь тогда чувствуют всю цену жизни и могут достойно ее прожить, когда все их деяния и все их мысли посвящены какому-то великому свершению, с которым они неразрывно связывают свою судьбу.

– А почему великое свершение необходимо обязательно связывать с государством? По-моему, самое главное великое свершение должно заключаться и исполняться в самом человеке и самим человеком: его становлением из человекообразного детеныша, или человекообразного животного, в Человека разумного, подобного богу своим поведением и своим устремлением. И это по силам каждому человеку, было бы желание и, более того, стремление достичь этой высокой цели, которая приведет его в «Царство Небесное» и его бессмертная душа будет продолжать нести этот божественный свет в Мироздании. Но прежде чем попасть в «Царство небесное», каждому человеку следует построить его в своей душе деланием добрых и полезных народу и самому себе дел.

– Именно эта тяга к величию подвигает короля Эдуарда

(Эдуарда III – короля Англии – прим. авт.), когда он вынашивает план, о котором вслух не говорит, но который ни от кого не скроешь, – превратить Европу в государство английское. Не то чтобы он мечтает держать весь Запад под своей единоначальной властью или хочет покорить все государства и превратить их в своих вассалов. Нет, нет, его замысел иной – свободное объединение королей или правительств, где он играл бы первенствующую роль.

– Здесь уместно вспомнить фразу, оброненную Рандольфом Черчиллем – сыном Уинстона Черчиля: *«Идеальным исходом войны (Второй мировой – прим. авт.) на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мертвым рядом»*. А что мы видим в настоящее время? Премьеры Англии, часто сменяющие друг друга на этом посту в последние годы, изо всех сил стараются помешать заключению мирного соглашения между Россией и Украиной, и больше всех европейских стран подливают масла в огонь военного конфликта между правителями этих государств и успешно втягивают в этот процесс все государства Западной Европы, несмотря на то, что Великобритания вышла из состава Евросоюза...

– Не может все всегда быть злосчастливым... Да, да, среди всех поражений, всех мук, всех разочарований Всевышний, дабы поддержать дух наш, посылает нам хоть чуточ-

ку блага. Надо только уметь ценить это. Господь ждет от нас лишь благодарности, дабы доказать неизреченную доброту свою.

Посмотрите сами, после лета, как нас обласкала погода и какая чудесная теплынь стоит на всем нашем пути! Это небеса пожелали приободрить нас.

– Увы, и это может быть иногда омрачено. Встаю утром, люблюсь на восход солнца, на душе становится радостно, и вдруг вспоминаются слова из песни Давида Тухманова «Как прекрасен этот мир»: «Ты проснешься на рассвете, вместе мы с стобою встретим...». И здесь эта радость первых минут заканчивается, потому что просыпаюсь я один и мне не с кем разделить эту красоту восхода солнца...

И мысли от положительных эмоций переходят к прозаическим: предупреждению о беспилотной опасности и препонам, возникающим на пути заключения мирного соглашения России и Украины.

– А я-то, я все ждал случая обсудить с ним хоть какие-то, пусть даже самые туманные, предложения о мире, чтобы можно было передать их англичанам, уцепиться за них и начать переговоры. Я предлагал, чтобы оба короля назначили посланцев, а те составили бы список всех спорных вопросов, возникших между Францией и Англией. Только этого я и добивался, потому что по этим спорным вопро-

сам можно спорить года четыре, не меньше.

– Вот уже прошли эти четыре года. Пора бы уже найти компромиссное решение.

Беседа с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым

Лермонтов Михаил Юрьевич (15 октября 1814, Москва – 27 июля 1841, Пятигорск; место погребения Тарханов, Пензенская область) – великий русский поэт, прозаик, драматург, художник. Поручик лейб-гвардии Гусарского полка.

Цитаты взяты из романов: «Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени», «Кавказец»; ...«я хочу рассказать вам»

– А много ваших легло? – Да человек десяток есть!.. зато уж мы, как ворвались в дом, всех покروшили, кроме господ... да этим суждено умереть не молодецкой смертью...

– Чего же вы ждете?.. осины есть... веревки есть...

– Да власти нет... старшина велит вести их к Белбородке!..

– Эх, кабы я был старшина?..

Тут ковш еще раз пропутешествовал по рукам и сухой вернулся к своему источнику!.. умы заклокотали сильнее, и лица разгорелись кровавым заревом.

– Кто вам мешает их убить! разве боитесь своих старшин? – сказал Вадим с коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха!.. «Кто меша-

ет! – заревели пьяные казаки. – Кто смеет нам мешать!.. мы делаем, что хотим, мы не рабы, черт возьми!.. убить, да, убить! отомстим за наших братьев... пойдете, ребята»... и толпа с воем ринулась к кибиткам; несчастный старик спал на груди своей дочери; он вскочил... высунулся... и все понял!..

– Вот она искра для толпы! Вот она, выведенная математическая формула влияния на людей, о которой мы говорили с Артуром Конан Дойлем.

– Но увы! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конец веревки, который взвился кверху; мученик сорвался, ударился о-земь, – и нога его хрустнула... он застонал и повалился возле трупа своей дочери. «Убийцы! – прохрипел он... – вот вам мое проклятье! проклятье!..»

– «Заткни ему горло!» – сказал Орленко... это было сожалеенье...

Два ножа в минуту воткнулись в горло старика, и он умолк.

Когда казаки, захотев увериться в его кончине, стали приподнимать его за руки, то заметили, что в последних судорогах он крепко ухватил ногу своей дочери, впился в нее костяными пальцами, которые замерли на нежном теле... О, это было ужасно... они смеялись!..

– Читая исторические романы даже французских авторов, этому нимало не удивляешься. Любая война, любая революция, любая бойня, любой мятеж способствует не только проявлению животных инстинктов, но их непомерному выпячиванию наружу, тогда как в мирное время они запрятаны глубоко, а у некоторых и не очень, в самых дальних уголках исторической памяти эволюции человека из животных, рыб и птиц.

– А между тем Вадим стоял неподвижно, смотрел на нее и на старика так же равнодушно и любопытно, как бы мы смотрели на какой-нибудь физический опыт! он, чье неуместное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вам.

Во-первых, он хотел узнать, какое чувство волнует душу при виде такой казни, при виде самых ужасных мук человеческих – и нашел, что душу ничего не волнует.

Во-вторых, он хотел узнать, до какой степени может прийти непоколебимость человека... и нашел, что есть испытания, которых перенести никто не в силах... это ему поддало надежду увидеть слезы, раскаяние Палицына – увидеть его у ног своих, грызущего землю в бешенстве, целующего его руки от страха... надежда усладительная, нет никакого сомнения.

– Месть для некоторых сладка в унижении своего врага. Но мне более по душе совет древнекитайского философа VI-V веков до н. э. Лао-цзы: *«Если кто-то причинил тебе зло, не мсти. Сядь на берегу реки, и вскоре ты увидишь, как мимо тебя проплывет труп твоего врага».*

– *Суд общего мнения, везде ошибочный, происходит, однако, у нас совсем на других основаниях, чем в остальной Европе; в Англии, например, банкротство – бесчестие неизгладимое, – достаточная причина для самоубийства. Развратная шалость в Германии закрывает навсегда двери хорошего общества (о Франции я не говорю: в одном Париже больше разных общих мнений, чем в целом свете) – а у нас?.. объявленный взяточник принимается везде очень хорошо: его оправдывают фразой: и! Кто это не делает!.. Трус обласкан везде, потому что он смиренный малый, а замешанный в историю! – о! Ему нет пощады: маменьки говорят об нем: «бог знает, какой он человек», и папеньки прибавляют: «мерзавец»...*

– Общественным мнением управляют с помощью принимаемых от имени народа законов и «независимых» СМИ. Примеров тому множество, так что даже не хочется останавливаться хотя бы на одном из них. Достаточно при желании открыть криминальную и светскую хронику и познакомиться с ней.

– Дальнейший разговор их я не передаю, потому что он был бессвязен и пуст, как разговоры всех молодых людей, которым нечего делать. И в самом деле, скажите, об чем могут говорить молодые люди? запас новостей скоро истощается, в политику благоразумие мешает пускаться, об службе и так слишком много толкуют на службе, а женщины в наш варварский век утратили вполовину прежнее всеобщее свое влияние. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить об этом смешно.

– Как говорят современенные психологи, даже с лучшим другом сейчас говорят, в лучшем случае, только о погоде. Россияне в большинстве своем книг не читают, в театры и на выставки не ходят – что же при этом остается обсуждать? Только прогноз погоды и его соответствие истинному проявлению природных явлений.

– Может быть, со временем я полюблю и Петербург, но мы, женщины, так легко предаемся привычкам сердца и так мало думаем, к сожалению, о всеобщем просвещении, о славе государства! Я люблю Москву. С воспоминанием об ней связана память о таком счастливом времени! А здесь, здесь все так холодно, так мертво... О, это не мое мнение; это мнение здешних жителей. – Говорят, что въехавши раз в петербургскую заставу, люди меняются совершенно.

– Может быть, поэтому сейчас в России творится такой бардак, что женщин во всех эшелонах власти просто тьма, а «думают они мало» и о народе, и о безусловном исполнении своих служебных обязанностей...

– Поверьте, – отвечала княгиня, – кто скоро нравится, об этом скоро и забывают.

– Боже мой! что на свете не забывается?.. и если считать ни во что минутный успех – то где же счастье? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочного богатства... глядишь... смерть, болезнь, пожар, потоп, война, мир, соперник, перемена обоего мнения – и все труды пропали!.. а забвеньё? – забвеньё равно неумолимо к минутам и столетиям. – Если б меня спросили, чего я хочу: минуту полного блаженства или годы двусмысленного счастья... я бы скорей решился сосредоточить все свои чувства и страсти на одно божественное мгновенье и потом страдать сколько угодно, чем мало-помалу растягивать их и размещать по нумерам в промежутках скуки или печали. – Я во всем с вами согласна, кроме того, что все на свете забывается – есть вещи, которых забыть невозможно... особенно горести, – сказала княгиня.

– Тоже замечал, что хорошее забывается быстро, а горести и обиды остаются, и отравляют дальнейшую жизнь. Как го-

ворят сотрудники телевидения, если ты пропадаешь с экранов, то через неделю о тебе забывают... Так и во всем. Все куда-то торопятся, суетятся, стараются заработать как можно больше денег, забывая при этом, что с собой их с окончанием земной жизни не возьмут.

– Все почти жалуется у нас на однообразие светской жизни, а забывают, что надо бегать за приключениями, чтоб они встретились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взволновану сильной страстью или иметь один из тех беспокойнолюбопытных характеров, которые готовы сто раз пожертвовать жизнью, только бы достать ключ самой незамысловатой, по-видимому, загадки; но на дне одной есть уж, верно, другая, потому что все для нас в мире тайна, и тот, кто думает отгадать чужое сердце или знать все подробности жизни своего лучшего друга, горько ошибается. Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, и они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно дают тайное направление чувствам и поступкам.

– Да, «отгадать чужое сердце или знать все подробности жизни своего лучшего друга» невозможно. И надо ли к этому стремиться? Мне всегда хотелось отгадать – искренен ли со мной мой собеседник, или играет какую-то роль, выбранную для себя на сегодня, на месяц или на год; а потом сменит

её на другую и так в дальнейшем. У меня был приятель, который грезил театром, но у него не получилось закрепиться в нем из-за несоответствия фактуры своего тела с тембром голоса. И он свой талант, не растраченный на подмостках, воплощал в жизни, что было заметно посвященному глазу.

– Я и в этом согласился. Что прикажете делать? есть люди, с которыми непременно должно соглашаться.

– И разыгрывал они свои роли вполне убедительно, и ему верили, и с ним соглашались... Особенно он преуспевал в этом с доверчивыми женщинами. Наиболее ему удавалась роль несчастного мужчины, которого женщина должна пожалеть и полюбить хотя бы на один час или одну ночь...

– Ах, подарки! чего не сделает женщина за цветную тряпичку!..

– О, это не всегда срабатывает. Да и не всегда они нужны для достижения поставленной цели.

– «Поверь мне, аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, отчего же запретит тебе платить мне взаимностью?» – Она посмотрела ему пристально в лицо, как будто пораженная этой новой мыслью; в глазах ее выразились недоверчивость и желание убе-

диться.

– Главное быть убедительным в своих словах, и произносить их без тени иронии, на полном серьезе. Слова входят в душу любого человека, а тем более женщины, и овладевают ими крепче и быстрее любого вина...

– Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает невероятную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения.

– На то и дан человеку рассудок, чтобы пользоваться им, особенно проживая в краях «тех народов, среди которых случается жить». Миллионы русских рассеялись по миру и мало кто возвращается на свою историческую Родину, из-за того, что не смогли принять обычаи других народов...

– Казалось дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине Гуд-Горы, как коршун, ожидающий добычу; снег хрустел под ногами нашими; воздух становился так редок, что было боль-

но дышать; кровь поминутно прилиwała в голову, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром, – чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми: все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда и верно будет когда-нибудь опять.

– Как верно подмечено. Только вдали от человеческого жилья ощущаешь, что ты – часть природы, ты – ее родной сын, о котором она заботится также, как родная мать, – оберегает и кормит.

– Он отвечал мне: «И, барин! Бог даст, не хуже их доедем: ведь нам не впервые», – и он был прав: мы точно могли бы не доехать, онако ж все-таки доехали, и если б все люди побольше рассуждали, то убедились бы, что жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться.

– Так многие и делают. Не заботятся, правда, не только о своей жизни, но и жизнях своих близких и вверенных их заботам по долгу службы.

– Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии,

когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой. Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия и не променяли бы их безобразия на красоту самых свежих и розовых эндимионов. Надобно отдать справедливость женщинам: они имеют инстинкт красоты душевной; оттого-то, может быть, люди, подобные Вернеру, так страстно любят женщин.

– Увы, не все женщины такие. Некоторые имеют животный инстинкт и страсть только к деньгам и способностям мужчины удовлетворять их сексуальные потребности; а красота душевная им непонятна и не нужна вовсе; как они говорят: «Человек никому не нужен».

– Вернер был мал ростом и худ и слаб, как ребенок; одна нога была у него короче другой, как у Байрона; в сравнении с туловищем голова его казалась огромна; он стриг волосы под гребенку, и неровности его черепа, обнаженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей. Его маленькие черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли. В его одежде заметны были вкус и опрятность; его худощавые, жилистые и маленькие руки красовались в светло-желтых перчатках. Его сертук, галстук и жилет были постоянно черного цвета. Молодежь прозвала его Ме-

фистофелем; он показывал, будто сердится за это прозвание, но в самом деле оно льстило его самолюбию. Мы друга друга скоро поняли и сделались приятелями, потому что я к дружбе неспособен. Из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; – рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае – труд утомительный, потому что надо вместе с этим и обманывать; да притом у меня есть лакеи и деньги!

– Замечательно, Михаил Юрьевич, Вы отметили разницу между друзьями и приятелями. С высоты своего нынешнего возраста и понимания взаимоотношений между мужчинами, которых считал друзьями, вернее будет называть их приятелями. Спасибо за такой тонкий и верный подсказ.

– *Заметьте, любезный доктор, – сказал я, – что без дураков было бы на свете очень скучно!.. Посмотрите: вот нас двое умных людей, мы знаем заранее, что обо всем можно спорить до бесконечности, и потому не спорим, мы знаем почти все сокровенные мысли друг друга, одно слово для нас целая история, видим зерно каждого нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное нам смешно, смешное грустно, а вообще, по правде, мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя.*

– Интересное наблюдение, Михаил Юрьевич. Никогда не

задумывался над такими, казалось бы, лежащими на поверхности вопросами в отношениях с приятелями; и не давал оценку их умственным способностям даже самому себе, а тем более постороннему. И если и не давал советов своему приятелю по корректировке поведения, то не из-за равнодушного к нему отношения, а потому, что считал бестактным давать советы, которых не просят. К примеру, я, когда учился в 10 классе, просил своих одноклассников прямо говорить мне о моих недостатках, чтобы я мог над ними работать и исправлять. А что не равнодушен по отношению к себе, то я считаю это нормальным. А кто еще позаботится обо мне, кроме меня самого, если уже вырос и лишился родителей? Ведь надо заниматься самообразованием и самосовершенствованием по последней минуте своей жизни...

– Я никогда сам не открываю моих тайн, а ужасно люблю, чтоб их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться.

– По-моему, весьма верный подход к не разглашению своих тайн. Хотя, я бы не сказал, что «ужасно люблю, чтоб их отгадывали». Я просто не думал никогда об этом.

– Она решительно не хочет, чтоб я познакомился с ее мужем, – тем хромым старичком, которого я видел мельком на бульваре; она вышла за него для сына. Он богат и стра-

дает ревматизмами. Я не позволил себе над ним ни одной насмешки: она его уважает, как отца! и будет обманывать, как мужа!.. Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности!

– Сомневаюсь, что психологи и психиатры смогут помочь разобраться в этом вопросе. Скорее всего ими это будет сводиться в большей степени к сексуальной жизни человека вообще, а женщины и мужчины, в частности.

– Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется: на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума.

– Михаил Юрьевич, Вы предлагаете в минуты горести и беспокойства, заниматься физическим трудом или спортом, чтобы довести свое тело до такой усталости, что и думать ни о чем не захочется его обладателю, кроме отдыха? Пробовал занимать руки и ноги физическими нагрузками, но голова при этом не переставала работать. Пробовал занимать голову умственными нагрузками – сочинительством, но и это не помогало. Пробовал рисовать – отвлекало, но ненадолго – только на время занятий рисованием.

– А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого

лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет. Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую всё, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше неспособен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие – подчинять моей воле всё, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, – не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви. Зло порождает зло; первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить ее к действительности; идеи – создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует, от этого гений, прикованный

к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара.

– Полагаю, что человеку с такими мыслями следовало бы обратиться к религии, психологу или к психотерапевту, если, конечно, его рассудок еще может адекватно реагировать на внешние раздражители и различать добро и зло.

– *Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов; душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный зной солнца ее иссушит; она проникается своей собственной жизнью, – лелеет и наказывает себя, как любимого ребенка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие.*

– «*Не суди и не судим будешь*», – гласит библейская заповедь. Человеку не дано оценивать «*правосудие божие*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.